

КРАСНЫЙ СЕВЕР

Орган Вологодского Горкома ВКП(б), Горсовета и ГСПС

№ 195 (5173)

24 августа 1936 г., понедельник

ЦЕНА 10 КОП.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра

Утреннее заседание
22 августа

Все утреннее заседание 22 августа было заполнено речью государственного обвинителя, Прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского, которая продолжалась четыре часа.

Вечернее заседание
22 августа

После открытия вечернего заседания председательствующий тов. Ульрих обращается к каждому из подсудимых, предоставляя им слово для защитительной речи, поскольку они отказались от защитников. Все подсудимые поочередно заявляют суду, что они не будут признавать защитительные речи, мотивируя это тем, что они воспользуются правом последнего слова. Ряд подсудимых при этом подчеркивает, что они не считают себя вправе защищаться, поскольку они признают выдвинутые против них обвинения правильными. После короткого перерыва суд приступил к высказыванию последних слов подсудимых.

Первым получает слово Мрачковский.

Подсудимый Мрачковский начинает свое последнее слово с автобиографии. Затем он говорит:

— В 1923 году я стал троцкистом. Я встал на путь подлый, на путь обмана партии. На прошлых заслугах надо поставить крест — прошлого не существует. На настоящем крест не поставишь. Я контрреволюционер...

— Я не прошу, — продолжает Мрачковский, — смягчить мне наказание. Не этого я хочу. Я хочу, чтобы поверили, что я сказал на следствии и суде всю правду. Я хочу уйти из жизни, не унося с собой никакой пакости.

— Почему же я, — говорит далее Мрачковский, — стал на контрреволюционный путь? Связь с Троцким — вот что меня к этому привело, вот с каких пор я начал обманывать партию, обманывать ее вождей. Могут сказать: не помогла партия, может быть, можно было оторвать от контрреволюции и спасти парня, а партия не приняла мер. Неверно это. Партия делала все, чтобы оторвать меня от контрреволюции. Партия помогала и крепко помогала мне.

— Я сказал, пожалуй, все, — заканчивает Мрачковский. Пусть все помнят, что контрреволюционером может быть не только генерал, не только князь или дворянин, но могут быть контрреволюционерами и рабочие или выходцы из рабочих, такие как я. Я уйду как предатель своей партии, как изменник, которого надо расстрелять, и прошу об одном, чтобы мне поверили, что я на следствии всю эту лживую выдумку выплюнул.

— Кто нам теперь поверит хоть в одном слове? — начинает подсудимый Евдокимов. — Кто поверит нам — разглагольствующему комедианту у ошейника мотыги убитого нами Кирова, нам, только случайно и то не по нашей вине не ставшим убийцами Сталина и других вождей народа!

Продолжение на 7 стр

РЕЧЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ, ПРОКУРОРА СССР тов. А. Я. ВЫШИНСКОГО

Товарищи судьи, товарищи члены Военной коллегии Верховного суда Союза!

Три дня со всей тщательностью и вниманием вы исследовали представленные государственным обвинением улики и доказательства, направленные против сидящих здесь на скамье подсудимых людей, обвиняемых в совершении потрясающих государственных преступлений. Со всей возможной тщательностью вы подвергли исследованию и судебной проверке каждое из этих доказательств, каждый факт, каждое событие, каждый шаг обвиняемых, в течение многих лет нанизывавших одно преступление на другое в своей борьбе против Советского государства, против советской власти и нашей партии, против всего нашего советского народа.

Ужасна и чудовишна цель этих преступлений, направленных против нашей социалистической родины, преступлений, каждое из которых достойно самого сурового осуждения и самой суровой кары. Ужасна и чудовишна вина этих преступников и убийц, поднявших руку против руководителей нашей партии, против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, против наших руководителей, руководителей советского государства. Чудовищны преступления этой банды людей, не только подготовивших террористические акты, но и убивших одного из лучших сынов рабочего класса, одного из преданных делу социализма, одного из любимейших учеников великого Сталина, пламенного трибуна пролетарской революции, незабываемого Сергея Мироновича Кирова.

Но как бы ни были чудовищны эти преступления и как бы ни были мы все глубоко возмущены и возмущены этими кошмарными и ужасными преступлениями, — вы, товарищи судьи, как это и подобает советскому суду и советскому правосудию, с глубоким спокойствием взвешивали и оценивали, проходящие перед вашими глазами, факты, связанные с преступной деятельностью этих людей, имена которых давно уже покрыты всенародным презрением и всенародным позором.

Мы подошли сейчас к концу нашего судебного процесса. Мы подводим его последние итоги. Мы делаем последние выводы, готовясь, может быть, через несколько часов выслушать ваш приговор. — Приговор суда советской страны, требующий и ожидающей от вас справедливого, непреклонного и неумолимо сурового решения участи этих людей, этих презренных убийц, этих подлых и наглых врагов советской земли, советского народа.

Мы строим новое социалистическое общество, новое советское государство в тяжелых условиях классовой борьбы, в условиях жестокого сопротивления последних остатков разгромленных и пущенных нами к двум эксплуататорским классам.

Каждый шаг нашего продвижения вперед связан с ожесточенным сопротивлением врагов, поднимающих

против нас все силы старого мира, всю мразь, всю напль старого общества, мобилизующих и бросающих на борьбу с нами самые преступные, самые отвратительные, самые отпетые и разложившиеся бесчестные элементы.

Ленин учит, что «ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены», *) без того, чтобы буржуазия и мелкобуржуазная стихия не боролись против советской власти, действуя не только приемами Савиновых, Гоцлов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, потоками лжи и клеветы, но и используя все и всякие элементы разложения, пускаясь на всякие и всевозможные грязные и позорные преступления.

Товарищ Сталин предупреждал, что «надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв» **).

Три года тому назад товарищ Сталин не только предсказал неизбежность сопротивления делу социализма враждебных ему элементов, но предсказал возможность оживления троцкистских контрреволюционных групп. Этот процесс полностью и от-

*) Ленин «Очередные задачи советской власти». XXII том 457 стр.

**) Сталин «Вопросы ленинизма», издание X, стр. 510, л. 4

Враг коварен. Коварного врага падить нельзя. Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения, присоединяю и свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов!

Взбесившихся собак я требую расстрелять, — всех до одного!

Из речи государственного обвинителя, Прокурора СССР товарища А. Я. Вышинского.

честно показал всю гениальность этого предсказания.

Этот процесс, «герои» которого связали свою судьбу с фашистами, с агентами полицейских охранных, «герои» которого потеряли всякую разборчивость в средствах и дошли до геркулесовых столбов двурушничества и обмана, возвели вероломство и предательство в систему, в закон своей борьбы против советского государства.

Этот процесс вскрыл до конца и еще раз показал, как велика и безмерна злоба и ненависть наших врагов к великому делу социализма, процесс показал, как ничтожны эти враги, мечущиеся и кидющиеся от одного преступления к другому. Презренная, ничтожная, бессильная кучка предателей и убийц — она думала остановить своими грязными преступлениями биение могучего сердца нашего великого народа! Презренная, ничтожная кучка авантюристов пыталась грязными ногами вытоптать лучшие благоухающие цветы в нашем социалистическом саду.

Эти взбесившиеся псы капитализма пытались разорвать на части самых лучших из лучших людей нашей советской земли. Они убили одного из самых дорогих для нас людей революции, замечательного и чудесного человека, светлого и радостного, как всегда была светлой и радостной на его устах улыбка, как светла и радостна наша новая жизнь. Они убили нашего Кирова, они ранили нас совсем близко к самому сердцу. Они думали внести в наши ряды смутнение и замешательство...

На предательский выстрел 1 декабря 1934 года вся страна ответила убийцам единодушным проклятием. Вся страна — миллионы и десятки миллионов людей всколыхнулись и еще раз доказали свою сплоченность и единство, свою преданность великому знамени партии Ленина — Сталина. Железной несокрушимой стеной стала страна советов на защиту своих вождей, своих руководителей, за каждый волос которых преступные безумцы ответят перед нами своей головой. В этой безграничной любви миллионов масс трудящихся к нашей партии, ее Центральному Комитету, к нашему Сталину и его славным сподвижникам, в этой безмерной любви народа — вся сила защиты и охраны наших вождей, руководителей страны и партии от предателей, убийц и бандитов!

Цветет, радостно растет наша великая родина. Богато колосится золотом хлебов бесчисленные колхозы, полной грудью дышат тысячи новых социалистических стахановских фабрик и заводов. Дружно и чудесно работают на благо своей родины железные дороги, по бесконечным сверкающим стальным лентам которых из конца в конец мчатся крикующие поезда и маршруты. Несокрушимой, как гранит, стоит на страже родных границ, окруженная любовью народа, Красная Армия.

Дороги и близкие родные нам и всем, кто преисполнен сыновней любовью к своей матери — родине, — имена замечательных большевиков, неутомимых и талантливейших строителей нашего государства — Серго Орджоникидзе, Клыма Ворошилова, Лазаря Моисеевича Кагановича, руководителей украинских большевиков Косиора и Постышева, руководителя ленинградских большевиков — Жданова. С непревзойденной великой любовью произносятся трудящимися во всем мире имя великого учителя и вождя народов СССР — Иосифа Виссарионовича Сталина. Под руководством советского правительства и нашей партии во главе со Сталиным окончательно и бесповоротно победил в нашей стране социализм. Под руководством нашей партии пролетариат нашей страны отобрал оружие и средства производства у капиталистов, уничтожил капиталистическую систему, опирающуюся на частную собственность, на эксплуатацию, на нищету и рабство.

Под руководством нашей партии и советского правительства народы СССР осуществили великую индустриализацию нашей страны, уделив средства ее производства и умножив ее национальные богатства, создав тем самым условия для счастливой и радостной жизни всех трудящихся советской социалистической страны. Победа социализма есть прежде всего победа нашей родной большевистской партии, ее ленинско-сталинской генеральной линии, ее ленинско-сталинского руководства, ее Центрального Комитета во главе с великим Сталиным.

На основе этих побед создан нерушимый союз всех трудящихся для дальнейшего укрепления и развития социализма, создан и закреплён союз и дружба всех народов СССР для строительства социализма, для обороны против наших врагов, против врагов социализма. Эти победы решительно изменили весь облик нашей страны, поднятой на невиданную высоту хозяйственного и культурного развития. Эти победы принесли рабочему классу СССР гигантское улучшение своего материального благополучия. Уже много лет тому назад уничтожена безработица, введен семичасовой рабочий день, против которого сидящие здесь на скамье подсудимых «герои» всегда упорно и предательски боролись. Невиданных успехов, недостижимых ни в какой капиталистической стране, добилась наша страна в области развития и расцвета новой, подлинно человеческой, социалистической культуры.

Эти победы принесли всей стране, каждому рабочему и колхознику, служащему и интеллигенту зажиточную и светлую жизнь. В этих победах — залог единства всего советского народа с нашим правительством, с нашей партией и с ее Центральным Комитетом.

Продолжение на 2 стр.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра

Продолжение речи государственного обвинителя. Прокурора СССР тов. А. Я. Вышинского

Перенос с 1 стр.

И разве не лучшим доказательством этого несомненного, подлинного единства и сплочения народных масс вокруг великого Сталина, вокруг нашего ЦК, вокруг нашего советского правительства являются, мыслимые только в нашей стране, широкие массовые народные собрания передовиков фабрик, заводов, транспорта, хлопковых и свекловичных полей,

1. Троцкистско-зиновьевский центр — банда презренных террористов

В течение предыдущих дней судебного процесса эти господа пытались принять «благородный» вид. Они, по крайней мере их главари, не без рисовки говорили о своем террористическом заговоре; они искали и ждали политической квалификации своих преступлений, они говорили о политической борьбе, о каких-то политических соглашениях с какими-то якобы политическими партиями. И хотя они признавали, что в действительности никакой политической платформы у них не было, что они даже не испытывали нужды в создании какой-либо платформы, так как, по их собственному признанию, их платформу можно записать в один присест в какие-нибудь два часа, — они все же пытались разыгрывать из себя негодных политиков. Они всячески старались изобразить дело так, будто они стояли на каких-то пусть замысленных и затрепанных, но все же политических позициях. Эти попытки — живое прикрытие их политической пустоты и бездельности. И когда они говорили об интересах рабочего класса, об интересах народа, когда они будут говорить об этом в своих защитительных речах и в последних словах подсудимых, — они будут лгать, как лгали до сих пор, как и лгут сейчас, ибо они пошли против единственно народной политики — против политики нашей страны, против нашей советской политики. Лгуньи и шуты, ничтожные пигмеи, москы и шавки, взъерившиеся на слона, — вот что представляет собою эта компания!

Но они умеют пользоваться оружием в это опасно для общества. Это обстоятельство требует особых и самых серьезных мер против них. Посадить их на цепь недостаточно. Против них должны быть приняты более решительные и радикальные меры борьбы. Не политики, а банда убийц и уголовных преступников, воров, пытавшихся расхищать государственное достояние, вот что представляет собой эта компания.

Эти господа признавали, что у них не было никакой программы, однако, кое-какая «программа» у них была. Была у них программа и внутренней политики и внешней политики. Внутренняя политика определялась в их программе одним словом — убить. Они предпочитают, правда, говорить не об убийствах, а о терроре. Но надо называть вещи своими именами. Эти господа избрали убийство средством борьбы за власть. Цинично и откровенно они должны были сами признать здесь это.

Как увязывали эти господа их марксизм в ковычках с проповедью террора и террористической деятельности? — Никак! А ведь эти люди себя когда-то считали марксистами! Вероятно, обвиняемый Зиновьев и сейчас еще считает себя марксистом. Он говорил здесь, что марксизм не может быть увязан с террором, но марксизм может объяснить, как они пришли к террору.

О том, как увязывается у них марксизм с проповедью террора и террористической деятельности, я

животноводства, комбайнеров и трактористов, стахановцев и кривоносовцев с руководителями партии и правительства! Это проявление подлинного советского, истинного демократизма! И разве не служат ярким доказательством этого единства и тем могучие волны народного гнева против гнусных убийц, которые перекатываются сейчас из конца в конец нашей страны!

спрашивала здесь на процессе обвиняемого Рейнгольда. Он сказал: «У Каменева в 1932 году в присутствии ряда членов объединенного троцкистско-зиновьевского центра, Зиновьев обосновал необходимость применения террора тем, что, хотя террор и не совместим с марксизмом, но в данный момент эти соображения надо отбросить. Других методов борьбы с руководством партии и правительства в данное время нет. Сталин объединяет всю силу и твердость партийного руководства, поэтому в первую голову надо убрать Сталина». Вот вам ответ, откровенно-циничный, наглый, но совершенно логичный. Вот вам и вся новая зиновьевская «философия эпохи».

Рейнгольд говорит: «Каменев развивал ту же теорию, говоря, что прежние методы борьбы — завоевание масс, верхушечные комбинации с правыми, ставка на хозяйственные трудности — провалилась. Поэтому единственный метод борьбы — это террор, террористические действия против Сталина и его ближайших соратников — Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Коснора, Постышева, Жданова».

Это откровенно и нагло, но в то же время логично с точки зрения логики классовой борьбы, с точки зрения логики нашего врага, борющегося против страны социализма. Без масс, против масс, но за власть, власть во что бы то ни стало, жажда личной власти — вот вся идеология этой компании, сидящей на скамье подсудимых.

Вся циничная беспринципность этих людей откровенно была показана здесь Каменевым. В своем объяснении на суде он говорил о том, как и на какой базе был организован этот террористический заговор, как он назвал его.

«Я пришел», говорил Каменев, — к убеждению, что политика партии, политика ее руководства победила в том единственном смысле, в котором возможна политическая победа социализма, что эта политика признана трудящимися массами».

Это заявление замечательно и по своей беспринципности и по наглости цинизму: именно потому, что «политика партии победила», они вели борьбу против ее руководителей.

«Ставка наша, говорит Каменев, на возможность раскола в партии также оказалась бита. Оставалось два пути: либо честно и полностью ликвидировать борьбу против партии, либо продолжать ее, но уже без всякого расчета на какую бы то ни было массовую поддержку, без политической платформы, без знамени, т. е. путем индивидуального террора. Мы выбрали второй путь».

Подсудимый Каменев должен был быть более последовательным: если первый путь он назвал путем честного отказа от борьбы, второй путь надо было охарактеризовать, как путь бесчестной борьбы бесчестными средствами.

Он признал: «Мы выбрали этот второй путь, мы руководствовались при этом бесконечным озлоблением против руководства партии и страны

и жаждой власти, к которой мы некогда были близки и от которой мы были отброшены ходом исторического развития».

Подсудимый Зиновьев говорит: «К концу 1932 года стало очевидным, что наши надежды не оправдались... Фактом было то, что генеральная линия партии побеждает. Здесь, — говорит Зиновьев, — со всей наглядностью сказались полная беспринципность и бездельность, которые привели нас к голой и беспринципной борьбе за власть». (Дело т. 12, л. д. 34).

Можно ли после этого разговаривать с этими людьми на каком бы то ни было политическом языке? Разве мы не в праве говорить с этими людьми только одним языком, языком уголовного кодекса, и рассматривать их, как уголовных преступников, как отпетых и закоренелых убийц?

Такова их «программа» в области, если можно так выразиться, внутренней политики. Раньше они, хотя бы из стыдливости, мотивировали свою борьбу против руководства советской власти и партии недостатками, недочетами, затруднениями. Теперь они уже сняли с себя эту маску. Они признают теперь, что убедились в победе социализма в нашей стране. К террору, к убийствам они пришли вследствие безнадёжности своего положения, от сознания своей изолированности от власти, от рабочего класса. К террору они пришли благодаря полной отсутствию благоприятных для них перспектив в борьбе за власть другими средствами, другими способами.

Каменев признал, что организация террора была единственным средством, с помощью которого они надеялись прийти к власти, и что именно на базе этой террористической борьбы велись, и в конце концов успешно завершились, переговоры об объединении между троц-

2. Троцкий, Зиновьев, Каменев — заклятые враги советского строя

Террор лежал в основе всей их деятельности, он был базой троцкистско-зиновьевского объединения. Здесь совершенно согласно об этом показали люди, непосредственно друг с другом не связанные в их подпольной работе. Это признали здесь не только Зиновьев и Каменев, Смирнов и Тер-Ваганян, Рейнгольд и Пикель, но об этом здесь говорили также и Берман-Юрия, и Фриц Давид, и Валентин Ольберг — этот оригинальный гражданин республики Гондурас, штатный агент Троцкого и одновременно германской тайной полиции — гестапо.

Все эти лица под тяжестью предъявленных им улик не смогли дальше запереться и должны были признать, что главным и даже единственным, объединявшим их преступную деятельность, средством борьбы против советской власти и партии был террор, были убийства.

«На этом», — говорил Рейнгольд, — настаивали и сходились и троцкисты и все участники блока». Именно насильственное устранение руководства ВКП(б) и советского правительства являлось основной задачей этого троцкистско-зиновьевского блока, который по справедливости можно назвать, как я это и сделал в обвинительном заключении, обществом политических убийц.

Эти террористические настроения, положенные в основу организации троцкистско-зиновьевского блока в 1932—1936 годах быть может наиболее отчетливо и характерно выражены обвиняемым Мрачковским, заявившим, как на предварительном следствии, так и здесь на суде:

«Надежды на вздох политики

кислами и зиновьевцами. Террор — вот настоящая база объединения троцкистов и зиновьевцев».

В этом не все они хотят признаться.

Товарищи судьи, вынося свой приговор в совещательной комнате, вы внимательно, — я в этом не сомневаюсь, — еще раз ознакомитесь не только со всеми материалами судебного следствия, но и с протоколами предварительного следствия, вы убедитесь, с каким животным страхом подсудимые старались уйти именно от признания террора, как основы их преступной деятельности.

Вот почему так вертится здесь Смирнов. Он признает, что был членом центра, признает, что этот центр усвоил террористическую линию борьбы, признает, что сам получал от Троцкого директивы об этой террористической борьбе. Но в то же время всеми силами и средствами он старается доказать, что лично он, Смирнов, террора не принял, не был с этим согласен и даже договорился до того, будто он даже вышел из троцкистско-зиновьевского террористического центра или блока.

Я буду еще особо говорить о каждом из подсудимых, и в том числе о Смирнове, и постараюсь со всей полнотой, тщательностью и объективностью разобрать доказательства, которые уличают их в совершении тяжчайших государственных преступлений. Сейчас я хочу лишь еще раз подчеркнуть, что сами обвиняемые не политические младенцы, а прожженные игроки в политической борьбе — они прекрасно понимают, какой ответственности они подвергаются за то, что не только «теоретически» признали этот террор — и этого было бы достаточно, чтобы их головы положить на плаху, — но и за то, что эту «теоретическую» программу они переложили на язык террористической практики, на язык практических преступных действий.

До сих пор применявшиеся средства борьбы не дали положительных результатов. Остался единственный путь борьбы — это путь насильственного устранения руководителей партии и правительства».

Мрачковский говорил: главная задача состоит в том, чтобы убрать Сталина и других руководителей партии и правительства.

Вся звериная злоба и ненависть были направлены против руководителей нашей партии, против политбюро Центрального Комитета — против товарища Сталина, против славных его соратников.

На них, во главе с товарищем Сталиным, легла основная тяжесть борьбы с зиновьевско-троцкистской подпольной организацией. Под их руководством, под руководством товарища Сталина — генерального проводника и хранителя ленинских заветов — была разгромлена контрреволюционная троцкистская организация. В ожесточенных боях с троцкистской контрреволюцией под их руководством была окончательно разбита наголову троцкистская контрреволюция.

В блох с этой троцкистской контрреволюцией товарищ Сталин работал и неуклонно проводил в жизнь ленинское учение о построении социализма в нашей стране, вооружив этим учением миллионные массы рабочих и колхозников.

Вот почему троцкисты и зиновьевцы, как и другие самые оголтелые контрреволюционные элементы, все свои силы, ненависть и злобу против социализма сосредоточили на руководителях нашей партии.

Вот почему в марте 1932 года в

припадке контрреволюционного бешенства Троцкий разразился открытым письмом с призывом «убрать Сталина» (письмо это было изъято из потайной стеньки Гольдмановского чемодана и приобщено к делу в качестве вещественного доказательства).

Этот подлый призыв с еще большей откровенностью Троцкий обратился к ряду своих зарубежных учеников, завербованных им в качестве убийц для переброски в СССР, с целью организации террористических актов и покушений против руководителей нашей советской государственной и нашей партии. Об этом здесь подробно рассказывал подсудимый Фриц Давид. Он сообщил, как в ноябре 1932 года он беседовал с Троцким и как во время этой беседы Троцкий сказал буквально следующее: «Сейчас нет другого выхода, как только насильственное устранение Сталина и его сторонников. Террор против Сталина — вот революционная задача. Кто революционер — у того не дрогнет рука». (Дело т. 8-й, л. д. 62). С этой целью Троцкий занялся подбором аккредитованных людей, внушая им, чтобы они осуществили этот контрреволюционный акт, как какую-то «историческую миссию».

Берман-Юрия показывал здесь, что Троцкий систематически и неоднократно говорил: «До тех пор, пока Сталин не будет насильственно убит — нет никакой возможности изменить политику партии; в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами — Сталин должен быть физически уничтожен».

Фриц Давид и Берман-Юрия вели с Троцким разговоры об убийстве Сталина. Они приняли от Троцкого задание и сделали целый ряд практических шагов, чтобы это задание осуществить. Разве этого мало, чтобы они были достойны самого сурового наказания, предусмотренного нашим законом — расстрела?

Фриц Давид, Берман-Юрия, Рейнгольд, Ольберг В., сам Смирнов И. И. разоблачили, в сущности говоря, роль Троцкого в этом деле до конца. Даже Смирнов, упорно зашивавшийся в том, что принимал какое-либо участие в террористической деятельности троцкистско-зиновьевского центра, не мог не признать, что установка на индивидуальный террор в отношении руководителей советского государства и ВКП(б) была им получена в 1931 году лично от сына Троцкого Седова, что эта установка о терроре была подтверждена Троцким в 1932 году в директиве, привезенной из-за границы Гавеном и переданной Смирнову. Смирнов пытался смягчить остроту своего собственного положения ссылкой на то, что, полученные им от Седова, директивы о терроре были якобы личной установкой Седова. Но это пустое объяснение. Ведь всем совершенно очевидно, что Седов никакой авторитета для Смирнова не представлял. Тер-Ваганян и Мрачковский подтвердили здесь это, заявив, что если бы они думали, что установкой о терроре исходят от Седова, они наплевали бы на них с шестого, двенадцатого или еще с более высокого этажа.

Обвиняемый Тер-Ваганян, один из главных организаторов объединенного центра, подтвердил, что, будучи за границей, Смирнов действительно получил от Троцкого директиву о переходе к террору. Тер-Ваганян только завуалировал показание, заменив упоминание о терроре словами «острая борьба с руководителями ВКП(б)». Позже и он, однако, должен был расшифровать это и подтвердить, что речь шла о директиве,

Продолжение на 3 стр.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра

Продолжение речи государственного обвинителя, Прокурора СССР тов. А. Я. Вышинского

Перенос со 2 стр.

содержанием которой был террор и только террор.

Вы слышали, наконец, показания свидетельницы Сафоновой, очная ставка с которой, вероятно, крепко запомнилась всем, кто присутствовал здесь на суде. На этой ставке Сафонове, дело о которой выделено в особое производство, ввиду продолжающегося следствия, полностью подтвердила, что Смирнов получил от Троцкого директиву об индивидуальном терроре в 1931 году через Седова, а впоследствии через Гавена.

На основании этих данных можно считать совершенно установленным, что именно директива Троцкого о терроре послужила основанием для развертывания террористической деятельности объединенного центра. Директива об организации объединенного центра и о переходе к террору, данная Троцким, была принята троцкистским подпольем. Зиновьев и Каменев, как руководители зиновьевской части блока, сами пришли к той же мысли и тоже приняли директиву Троцкого, как основу действий объединенного центра и подполья.

Эти подлинники, закоренелые враги не могли спокойно смотреть на растущее благополучие нашего народа, нашей страны, вышедшей на широкую дорогу социализма.

СССР побеждает, СССР строит социализм, в СССР торжествует социализм, тем сильнее их ненависть против ЦК Сталина и правительства, которым страна обязана этой победой, которыми страна гордится.

В мрачном подполье Троцкий, Зиновьев и Каменев бросают подлый призыв: убить! Начиная работать подпольная машина, оттачиваются ножи, заряжаются револьверы, снаряжаются бомбы, пишутся в фабрикуемых фальшивых документах, завязываются тайные связи с германской политической полицией, расставляются посты, тренируются в стрельбе, наконец стреляют и убивают.

Вот, в чем главное! Контрреволюционеры не только мечтают о терроре, не только строят планы террористического заговора или террористического покушения, не только готовят к этим злодейским преступлениям, но осуществляют их, стреляют и убивают! Главное в этом процессе — в том, что они претворили свою контрреволюционную мысль в контрреволюционную теорию в контрреволюционную террористическую практику: они не только говорят о стрельбе, но они стреляют — стреляют и убивают! В этом — главное. Они убили товарища Кирова, они готовились убить товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева. Вот за что мы судим этих людей, этих организаторов тайных убийств, этих патентованных убийц.

И вот почему мы требуем судить их строго, как велит нам наш советский закон, судить их, как требует наша социалистическая родина.

Убийства — вот вся «программа» внутренней политики этих людей.

А внешняя политика? Тут поднимаются загробные тени, здесь оживают старые «тезисы Клемансо», здесь снова видны троцкистские ухи.

Личное письмо Троцкого, полученное Дрейпером, состояло из трех коротких пунктов: 1) убить Сталина и Ворошилова, 2) развернуть работу по организации «тесис» в армии, 3) в случае войны использовать всякие неудачи и возможное замешательство для захвата руководства.

Это — откровенная ставка на поражение.

Это — тот же старый тезис Клемансо, но в новом издании, под редакцией объединенного центра троцкистско-зиновьевского террористического блока.

Фриц Давид показал на следствии и подтвердил здесь на суде (это полностью соответствует и ряду исторических документов и показаниям других обвиняемых, и самому существу задачи, стоящей перед Троцким, Зиновьевым, Каменевым), что в одной из своих бесед с ним Троцкий спросил: «Как вы думаете, в случае войны Советского Союза с японцами исчезнет ли это недовольство?» (Он говорил о недовольстве, которое, по его мнению, существовало у нас в стране). «Нет, наоборот», — говорил Троцкий, — в этих условиях враждебные режимы силы будут пытаться соединиться воедино и в этом случае наша задача будет заключаться в том, чтобы объединить и возглавить эти недовольные массы, вооружить их и повести их против господствующих бюрократов». (Дело том VIII, л. д. 61).

Это же Троцкий повторил в письме 1932 года (очевидно это у него идея фикс) и в беседе с Берман-Юриным.

«В связи с международным положением того периода», — показывает Берман-Юрий, — Троцкий указал мне, что особо важной является задача разложения наших военных сил, так как в случае войны с Советским Союзом огромные массы будут призваны в армию». Троцкий и троцкисты вместе с зиновьевцами и

рассчитывали легко обработать эти массы.

«Троцкий дословно сказал мне, — добавляет Берман-Юрий, — мы будем защищать Советский Союз в том случае, если будет свергнуто сталинское руководство». (Дело т. IV, л. д. 100).

Такова программа их внешней политики!

Может быть все это — выдумка? Может быть Фриц Давид и Берман-Юрий пустились здесь в фантастические измышления? Может быть это все — вымысел, выдумка, безответственная болтовня подсудимых, которые пытаются возможно больше сказать против других, чтобы облегчить свою окончательную судьбу? Нет! Это не выдумка, не фантазия! Это истина! Кто не знает того, что Троцкий вместе с сидельцами на скамье подсудимых Каменевым и Зиновьевым несколько лет тому назад провозгласили «тезис Клемансо», что они говорили «о необходимости в случае войны подождать, пока враг подойдет на расстояние 80 километров от Москвы, чтобы поднять оружие против советского правительства, чтобы свергнуть его». Ведь это исторический факт. От него никак не уйти. Именно поэтому приходится признать, что показания Бермана-Юрина и Фрица Давида в этой части соответствуют действительности.

Такова была «программа» внешней политики этих людей. За одну такую программу наш советский народ повесит изменников на перьях же воротах! И поделом!

3. Двуручничество, обман, провокация — основной метод троцкистов-зиновьевцев

Обратимся теперь к методам, которыми действовали эти люди. Это, может быть, одна из самых позорных страниц их позорной, преступной деятельности.

В соответствии с «принципиальной» линией троцкистско-зиновьевского подпольного блока на захват власти любыми средствами, участники этого блока широко практиковали двуручничество в качестве основного метода своего отношения к партии и правительству. Это двуручничество они превратили в систему, которой могли бы позавидовать любые Азефы и Малиновские всех охранок, со всеми их шпионами, провокаторами и диверсантами.

Рейнгольд показал, что в 1933-34 году Зиновьев с глаза на глаз говорил ему, теперь Зиновьев подтвердил это перед всем миром на процессе, что «главная практическая задача, которая стоит перед их подпольем, заключается в том, чтобы построить террористическую работу так конспиративно, чтобы ни ком образом не скомпрометировать себя».

Может быть это преувеличение? Конечно, нет. То, что говорил Рейнгольд, соответствует логике вещей.

«На следствии главное», — поучал своих соучастников Зиновьев, — отрицать какую бы то ни было связь с организацией, аргументируя несовместимостью террора со взглядами большевиков-марксистов». (Дело т. XXVII, л. д. 112).

Троцкий в свою очередь тоже рекомендовал, в случае совершения террористического акта, отмежевываться от троцкистской организации и занять позицию, аналогичную той, которая была занята в свое время эсерскими ЦК по отношению к госпроке Каплан, стрелявшей в Владимира Ильича. Мы знаем, что это значило. Мы помним, что после того, как Каплан выпустила свою предательскую пулю в Ленина, ЦК эсеров вы-

пустил листовку, в которой категорически заявил о своей непричастности к этому террористическому акту. Троцкий, Зиновьев, Каменев усвоили ту же тактику.

Зиновьев говорил: «Мы пришли на путь тщательно продуманного и слобкоу законоспирированного заговора, мы считали себя марксистами и, помня формулу «восстание есть искусство», — переделали ее по своему, заявляя, что «заговор против партии, против Сталина, есть искусство».

Вот сидят на скамье подсудимых мастера этого «искусства». Не скажу, чтобы мастера были высокой пробы. Низкопробные мастера! Но они все же сумели осуществить свое низкое дело. В чем же состояло их «искусство»? В этом плане на первом месте стояла маскировка всеми средствами их истинного преступного лица.

Это может быть один из самых ярких примеров в истории, когда действительно слово маскировка приобретает подлинное значение: эти люди надели на свои лица маски, изображали себя раскаявшимися грешниками, порвавшими с прошлым, отказавшимися от своих старых заблуждений и ошибок, переросших в преступление.

Характерно, что именно в тот период, когда объединенный троцкистско-зиновьевский центр наиболее активно развивал свою деятельность, когда эта террористическая деятельность достигла наибольшего своего развития и, нарастая, продвигалась к своему завершению подлым выстрелом в товарища Кирова, — именно в этот период Зиновьев обращается в Центральный Комитет партии с показным письмом. В этом письме, датированном 8 мая 1935 года, то-есть в самый разгар подготовки террористических актов, Зиновьев не только отрекается от всех своих прежних ошибок, но и лицемерно клянется в

преданности социализму и партии.

В те самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовил террористический акт против товарища Сталина, этот преступник, потерявший, как и все сидящие здесь, последний человеческий облик, заканчивал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я говорю правду и только правду. Я прошу вас вернуть меня в ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела. Я даю слово революционеру, что буду самым преданным членом партии и сделаю все то, что возможно, чтобы хоть отчасти загладить свою вину перед партией и ее ЦК».

Мы знаем теперь, чего стоят эти слова, мы знаем, что Зиновьев сделал все, что возможно, чтобы повредить партии и делу строительства социализма в нашей стране, делу всего международного коммунистического движения.

16 июня 1935 года он помещает в «Правду» статью «Две партии». В центральном органе нашей партии он публикует статью, в которой старается всячески доказать преданность партии, грозит оппортунизмом и поет аллилуйя победам, одержанным партией. Это было 8 мая и 16 июня, то-есть летом 1935 года. А тем же летом того же 1935 года, как это теперь точно установлено, на совещании троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев поручает Бакаеву приступить к практическому осуществлению террора.

Зиновьев обиделся здесь на Смирнова, когда он упрекнул его в том, что он говорит неправду. Сам Смирнов не сказал здесь ни одного слова правды, а упрекает Зиновьева в том, что Зиновьев обиделся и заявил, что разница между ними в том, что он решил «твердо и до конца в эту последнюю минуту сказать всю правду, между тем, как Смирнов принял, как видно, другое решение».

Я позволю себе, товарищи судьи, предупредить вас против этого утверждения Зиновьева. Не верьте ему, что он действительно говорит здесь всю правду до конца.

Зиновьев и Каменев на ленинградском процессе 15—16 января разыграли очень не плохо одну из сцен своей коварной вероломной маскировки. В своих объяснениях (на судебном заседании от 15—16 января 1935 года) Каменев хотел произвести впечатление окончательного и искреннего разоружившегося врага, выкладывавшего все, что у него есть на душе против правительства и партии. Он тогда припомнил какой-то эпизод, когда Зиновьев что-то утаил из разговоров с Троцким. С пафосом и «неподдельным» возмущением Каменев упрекал Зиновьева в том, что, скрывая этот факт, он не говорит всей правды.

А в то же время и сам Каменев и сам Зиновьев пытались обмануть нас, обмануть суд и всю страну, доказывая, что они никакого отношения не имеют к убийству Сергея Мироновича Кирова. Так же, как сейчас, буквально теми словами, что и вчера, Зиновьев и Каменев тогда клялись в том, что они говорят всю правду. Можно сказать, что процесс 15—16 января 1935 года для Каменева и Зиновьева был своего рода репетицией нынешнего процесса, которого они могут быть не ожидали, но от которого они, как от судьбы, не ушли.

Я еще вернусь к этим замечательным показаниям, данным на суде в Ленинграде, сейчас я говорю об этом только для того, чтобы предупредить вас, а через вас, через суд и всю страну, — не только против Каменева и Зиновьева, но и против всех других двуручников,

изменников и предателей, в социализме, имеющих еще в наших рядах, говорящих о своих раскаяниях, отмежевывающихся, маскирующихся для того, чтобы лучше организовать удар в спину нашей партии, нашей страны, нашему великому делу.

Ни малейшего доверия этим патентованным и прожженным обманщикам!

Они и сами понимают, что не заслуживают его. Я спросил Зиновьева при его допросе: «А сейчас вы всю правду говорите?» — «Сейчас я говорю всю правду до конца».

Но где же доказательства этого, как им можно верить, когда они превозносили все предательства о вероломстве, коварстве, обмане, измене, предательстве?

Зиновьев довел это коварство до того, что после убийства Сергея Мироновича Кирова послал в «Правду» некролог. Единственное, что он сказал здесь по этому поводу: «Этот некролог не был написан, насколько я помню». И все.

Вот этот некролог, он у меня в руках. Он датирован Зиновьевым, если я не ошибаюсь, то ли четвертого, то ли седьмого декабря, вероятней всего — четвертого декабря.

Этот некролог, посвященный товарищу Кирову, вы, Зиновьев, назвали: «Человек-маяк». Как же вы начали свой некролог, который вы предназначали для печати и который, следовательно, должен был стать достоянием всей нашей общественности.

«Это можно наблюдать в течение всех 17 лет нашей революции», — а каждый момент, когда враг изловчался нанести тот или другой удар большевикам. Так бывало, когда врагу удавалось наносить чувствительный удар на полях гражданской войны, так бывало...» и т. д. и т. д.

И дальше Зиновьев писал: «Горе партии — есть горе всего народа, всех народов СССР. Траур партии, есть траур всей великой страны... Весь народ ощутил горечь утраты».

Это верно, что горечь утраты и возмущение предательским выстрелом охватило всю страну. Это чувство действительно испытывает вся страна от мала до велика.

Но вас-то это в какой мере касается?

«Злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова всколыхнуло поистине всю партию, весь Советский Союз».

«Потеря этого любимого всеми человека, всеми ощутилась, как потеря своего близкого, безгранично дорогого».

Вот, что писали вы, подсудимый Зиновьев, в этой страшной и позорной статье.

Почему потеряла партия близкого, бесконечно дорогого С. М. Кирова — обвиняемый Зиновьев?

Потому потеряла партия этого близкого нам человека, что вы, обвиняемый Зиновьев, убили Кирова, вы убили его своими собственными руками, на которых у вас краснеет кирова кровь!..

«Любимый сын партии», — писали вы. Какое пагубное кощунство!

«Сын рабочего класса — вот кем был этот человек-маяк», «Наш дорогой, глубокий, светлый... Ему нельзя было не верить, его нельзя было не любить, и им нельзя было не гордиться».

Вот как писал Зиновьев, переходя всякие границы цинизма!

Вот этот человек его любил, гордился им и убил его! Злодей-убийца опьяняет своею жертву! Где и когда еще происходило что-либо подобное!

Что можно сказать в заключение можно подбодрить, чтобы исчерпать всю низость и мерзость этого факта!

Продолжение на 4-й стр.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра

Продолжение речи государственного обвинителя, Прокурора СССР тов. А. Я. Вышинского

Перенос с 3 страницы

Вероломство! Двурушничество! Коварство!

Вы, именно вы, Зиновьев, своей жуповатой рукой погасили этот маяк, и вы же стали публично и притворно рвать на себе волосы для того, чтобы обмануть людей.

Кого вы убили?—Вы убили великодушного большевика, пламенного трибуна, опасного для вас человека, беззаветно борющегося за ленинские заветы и вместе с тем против вас. Вы убили этого человека выстрелом подлейшей руки Николаева, а через два—три дня вы же посылаете статью в «Правду» и пишете о «погашенном маяке». Где же найти слова, чтобы дать оценку этим подлейшим выходкам! В своем лексиконе я не в состоянии найти этих слов!

Перейдем к Каменеву—второму столпу так называемой зиновьевской группы, к этому притворщику «в ослиной шкуре», о которой он сам говорил нам на XVII съезде партии.

Я прошу суд обратить внимание на статьи Каменева, опубликованные в 1933 году. Эти статьи Каменев писал почти одновременно с Зиновьевым по взаимному согласию. Каменев публикует в «Правде» статью, где он так же, как Зиновьев, отказывается от своих заблуждений, клеймит свои ошибки, где он говорит, что «важнейшей фигурой оппозиции стал человек, десятки лет борющийся с Лениным» и т. д. и т. п. «Ясно»,—писал в этой статье Каменев 25 мая 1933 года,—что сотрудничество политике, возглавляемой товарищем Сталиным, исходило из тех же предпосылок, которые заставляли членов партии в октябре 1917 года выступить противниками политики Ленина». Плача и стелая Каменев старается доказать свой разрыв со старыми друзьями и заканчивает статью призывом отбросить всякое сопротивление, мешающее делу строительства социализма.

Это было в мае 1933 года. А летом 1933 года, после возвращения Каменева и Зиновьева из ссылки, на квартире Зиновьева состоялось совещание троцкистско-зиновьевского центра для организации террористических актов против руководителей партии и советской власти.

Спрошенный здесь об этом Каменев был очень краток. Между нами произошел диалог, который я позволю себе напомнить. Я спрашивал:

«Как оценили вы эти статьи и заявления, которые вы писали в 1933 году и в которых выражали преданность партии. Обман? Каменев: Нет, хуже обмана. Вышинский: Вероломство? Каменев: Хуже! Вышинский: Хуже обмана, хуже вероломства—найдите это слово. Измена? Каменев: Вы его нашли!»

Дальше он говорил, что делал это не только по соглашению с Зиновьевым, что эти его поступки имели место во исполнение заранее разработанного плана захвата власти, который сочетался с необходимостью завоевания доверия.

Маленькая подробность, которая имеет некоторое значение для определения нормального, если угодно, идеологического уровня обвиняемого Каменева, для характеристики интригов, которыми он жил в то время, для характеристики его некоторых исходных нравственных позиций.

Я позволю себе сослаться на одну книжку Маккиавели (том I). Она издана в 1934 году издательством «Академия», которым руководил тогда Каменев, с предисловием Каменева. Очень интересная книга. Она была написана в XVI веке. Автор написал эту книгу для князя, поучая его науке управления государством в соответствии с его княжескими интересами. Маккиавели пи-

сал: «Вы должны знать, что бороться можно двумя: один род борьбы—это законы, другой—сила; первый свойственен человеку, второй—зверю».

Так как однако первого очень часто недостаточно, приходится обращаться ко второму. Князю необходимо взлест природой как зверю, так и человеку».

Каменеву это очень понравилось, и он написал в кратком предисловии к этой книге несколько следующих интереснейших слов: «Мастер политического афоризма и блестящий диалектик...» (это Маккиавели, по Каменеву, диалектик! Этот прожженный плут, оказывается диалектиком!).

«Мастер политического афоризма». Хорош афоризм! Маккиавели писал: действовать при помощи закона—это свойственно людям, но при помощи силы—это свойственно зверю; следуй этой звериной политике и ты,—говорит Маккиавели,—достигнешь своих целей. И это подудимый Каменев называет «мастерством политического афоризма».

Послушаем, что пишет Каменев дальше: «Диалектик, почерпнувший из своих наблюдений твердое убеждение в относительности всех понятий и критериев добра и зла, дозволенного и недозволенного, законного и преступного... По Каменеву это, очевидно, и есть диалектика: мешать преступное с непроступным, законное с незаконным, добро со злом,—в этом новое «марксистское» объяснение диалектики на примере Маккиавели».

«Маккиавели,—писал Каменев в 1934 году,—сделал из своего трактата поразительный по остроте и выразительности каталог правил, которыми должен руководиться современный ему правитель, чтобы завоевать власть, удержать ее и победоносно противостоять всем покушениям на нее». Хорош у вас, Каменев, был учитель, но вы (в этом надо вам отдать должное) превзошли своего учителя.

Дальше вы пишете в этом предисловии «Это—далеко еще не социология власти, но зато из-за этой рецептуры выступают зоологические черты борьбы за власть в обществе рабовладельцев, основанном на господстве богатого меньшинства над трудящимся большинством».

Это—так. Но вы хотели эти методы борьбы и принципы борьбы, достойные рабовладельцев, перенести в наше общество, применить против нашего общества, против социализма. «Так, пишете вы, этот секретарь лорентийских банкиров и их посол при папском дворе, вольно или невольно, создал снаряд громадной взрывчатой силы, который в течение веков беспокоил умы господствующих...» Вы, Каменев, перенесли эти правила Маккиавели и развили их до величайшей беспринципности и безнравственности, модернизировали и усовершенствовали их.

Я вас не прошу, товарищи судьи, рассматривать эту книгу в качестве одного из вещественных доказательств по данному делу. Я вовсе не оперирую этой книгой для того, чтобы доказывать виновность подсудимых в тех преступлениях, в которых они обвиняются. Я просто считал необходимым отдать этому обстоятельству несколько минут внимания для того, чтобы показать тот идейный источник, которым питались в это время Каменевы и Зиновьевы, пытающиеся еще и сейчас на процессе сохранить благородный вид марксистов, умеющих мыслить и рассуждать в соответствии с принципами марксизма—

Бросьте эту шутовскую комедию. Откройте, наконец, и до конца, свои настоящие лица. Здесь о книге Маккиавели Каменев говорит, как о снаряде огромной взрывчатой силы. Очевидно Каменев и Зиновьев хотели воспользоваться этим снарядом, чтобы взорвать и наше социалистическое отечество. Просчитались. И хотя Маккиавели перед ними ценок и деревенщина, но все же он был их духовным наставником. Вы из «Маккиавелизма», азефовщины черпали для себя источник вашей деятельности и ваших преступлений. Теперь это разоблачено самими Зиновьевым и Каменевым: убийство, коварство, вероломство и маскировка были одним из основных, решающих методов их преступной деятельности.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и цинично признали вчера, что именно это входило в план их дея-

4. Контрреволюционная террористическая деятельность троцкистов-зиновьевцев полностью доказана

Я перехожу ко второй части своей обвинительной речи, к практической деятельности так называемого объединенного центра и к характеристике роли в этом преступном заговоре против советской власти каждого из подсудимых.

Не подлежит никакому сомнению, что объединение зиновьевских и троцкистских контрреволюционных групп, состоявшееся осенью 1932 года, возникло и окрепло на почве и на основе взаимного признания террора в качестве единственного и решающего средства борьбы за власть,—борьбы, которая тогда была основной и главной задачей троцкистов и зиновьевцев.

Организация была. Подпольная, контрреволюционная, террористическая группа была. Существовала и действовала. Как бы Смирнов ни пытался здесь оспаривать это, ему опровержить это не удастся. Слишком сильные факты, слишком много данных для того, чтобы мы, обвиняемые, имели полное основание утверждать, что такая подпольная, контрреволюционная троцкистско-зиновьевская группа была. Что эта террористическая организация была создана; что она именно была создана, как террористическая; что она развернула свою деятельность именно, как террористическую деятельность; что она подготавливала террористические покушения и что одно из этих покушений, к нашему величайшему несчастью и ужасу,—злостное убийство 1 декабря 1934 года Сергея Мироновича Кирова, она и осуществила. Это самое ужасное из всех преступлений, которое удалось осуществить этой организации.

В январе 1935 года мы судили «московский центр» в связи с состоявшимся незадолго, за две недели до этого, судебным процессом над так называемым «ленинградским центром», по которому были осуждены и расстреляны Николаев А., Котлянов, Румянцев, Сосицкий и ряд других. Мы тогда еще не знали всех подлинных и действительных авторов, подстрекателей и участников этого чудовищного злодеяния. Мы тогда стояли на верном пути. Следствие, руководимое НКВД, шло по правильному и верному пути разоблачения настоящих организаторов этого преступления, хотя состояние добытых доказательств лиало нас возможности предъявить тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову, Бакаеву прямое обвинение в организации этого убийства, в руководстве этим убийством, в осуществлении этого убийства.

В приговоре по делу так называемого «московского центра», в котором главную роль играли Каменев

и Рейнгольд, об этом говорили здесь и другие подсудимые и думаю, что характеристика этих методов достаточно исчерпана представленными мною материалами.

Подводя итоги этой части моей речи, я могу сказать о том, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для составления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренней политики исчерпывалась убийством, их программа внешней политики—поражением СССР в войне, и их метод—вероломством, коварством, изменой.

Зиновьев, Евдокимов и некоторые другие об их роли было сказано лишь то, что они разжигали лишь террористические настроения своих соотечественников, что они объективно подстрекали к убийству, создавали объективную почву, на которой должно было неизбежно вырасти и в действительности выросло это преступление.

Будучи абсолютно объективными, следствие и обвинительная власть не предвзято тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву обвинили в прямом подстрекательстве, прямой организации этого убийства. В обвинительном заключении было сказано, что следствием не установлено этого прямого их участия. Однако, все данные, бывшие в руках следственных органов, позволяли говорить о том, что эти лица—Каменев, Зиновьев, Бакаев, и Евдокимов—были тесно связаны с этим преступлением и, как они сами тогда выражались, должны были нести полную моральную и политическую ответственность за него.

В соответствии с этим по делу «московского центра» и был вынесен сравнительно мягкий приговор в отношении Каменева, Зиновьева, Евдокимова и Бакаева—только лишение свободы.

Каменев, Зиновьев, Евдокимов и Бакаев сделали все, что только можно было для того, чтобы извратить действительное положение вещей, скрыть подлинных организаторов и соучастников преступления. Они пытались изобразить дело так, что руки своей они к этому грязному и подлому делу не приложили. При этом, говоря высоким стилем, они заявляли, что контрреволюция избрала их орудием своей преступной деятельности. Не они избрали контрреволюцию орудием своей борьбы, а контрреволюция избрала их своим орудием...

И Зиновьев, и Каменев, и Бакаев, и Евдокимов пытались всячески уверить и доказать, что кроме моральной и политической ответственности они никакой другой ответственности за это злодейское убийство нести не могут, на эту ответственность они якобы полностью и честно готовы нести и признают правильность и обоснованность предъявления им обвинений в этих пределах.

На суде 15—16 января 1935 года Зиновьев говорил: «на скамье подсудимых сидит нас много, больше 15 человек, с различными биографиями. Среди нас много таких, которые в рабочем движении участвовали немало лет. Многие они делали по доверию ко-

мне и я за это конечно, должен себя казнить... свою задачу в этой стадии я вижу в том, чтобы до конца, чистосердечно и искренне перед судом рабочего класса раскаяться в том, что я понимал, как ошибку и преступление, и рассказать это так, чтобы это кончилось раз и навсегда с данной группой...».

Я уже говорил о том, что это заявление Зиновьева было игрой, маневром, тактическим приемом.

Так обычно поступают уголовные преступники. Обвиняемый в убийстве с грабежом признается только в грабеже. Обвиняемый в грабеже признается только в краже. Обвиняемый в краже признается только в хранении краденого. Это обычные уловки уголовных преступников: перед лицом более тяжелых преступлений признаваться в более легких преступлениях. Это—способ замести действительные следы в расчете на доверчивость людей, которые позволяют еще себе во многих случаях, даже в уголовных делах, относиться с доверием к уголовным преступникам.

Эту позицию занял и Зиновьев. Аналогичную позицию заняли—и это они не будут отрицать—также Каменев, Евдокимов и Бакаев. Поиманные в 1935 году почти с полными, эти люди признавали себя ответственными за меньшее преступление для того, чтобы избежать ответственности, настоящей ответственности за большее преступление.

Зиновьев говорил о «чистосердечном, искреннем» признании, но этого в действительности не было. Они в действительности делали все для того, чтобы не выдать в руки советского правосудия своих соучастников, чтобы оставить какие то резервы, чтобы резервы эти можно было в нужную минуту пустить в ход и направить против нашей партии, против руководителей нашей страны.

Этим объясняется вся позиция Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Бакаева на ленинградском процессе 15—16 января 1935 года. «Верно»,—говорил Зиновьев,—что нас судят по объективным чертам». Он говорил, что многих людей, сидевших в то время с ним вместе на скамье подсудимых, он не знал. Зиновьев не знал, оказывается, ни Евдокимова, ни Гертника, ни Каменева, ни Сахова. Зиновьев говорил, что субъективно они были преданы рабочему классу; тогда Зиновьев даже позволил себе утверждать, что и он, и они, 15 его соучастников, были субъективно, якобы, преданы рабочему классу и не хотели становиться папул контрреволюции, а объективно получалось у них наоборот. Почему получалось обратное? Я бы хотел, чтобы обвиняемый Зиновьев в своей защитительной речи сказал, как получилось, что субъективно он был предан рабочему классу, а объективно вышло наоборот. Не может так быть этого и так не бывает. Если объективно действительно получилось так, то это потому лишь, что ваша, обвиняемый Зиновьев, субъективная преданность революции была фальшивой и гнилой. О чем вы думали, когда вы говорили эти речи? Я прошу вас сказать и об этом в своей защитительной речи.

Вы вооружились против Советского государства не только злобой, но и огнестрельным оружием. Вы практически осуществляли свои преступные замыслы. Вы сами говорили о двурушничестве, но говорили в то же время об этом так, чтобы скрыть, что и в этот момент вы продолжали политику двурушничества.

Продолжение на 5 стр.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра

Продолжение речи государственного обвинителя, Прокурора СССР тов. А. Я. Вышинского

Перенос с 4 стр.

Вы говорили: «Я привык чувствовать себя руководителем, для меня играя лично громадную роль именно этот момент». Вы говорили: «Я привык чувствовать себя руководителем и, само собой разумеется, я должен был все знать. Если я удален от руководства—это для меня несправедливость, или недоразумение, или на несколько месяцев. Это не есть оправдание, но я высказываю все то, о чем действительно думаю и этим самым я выношу из себя последнюю заповедь тех преступлений, которые здесь разворачиваются».

«Последнюю заповедь» Зиновьев вынул из ленинградского процесса! Нет, он не вынул, он оставил эту заповедь и не одну, а несколько в теле нашей социалистической страны для того, чтобы продолжать готовить и совершать тяжчайшие преступления.

Вы говорили:

«...Я не мыслю иначе: как же это я без кружка своих, без того, чтобы знать все, без того, чтобы быть в гуще политики и т. д.»

Вот мысль, которая мучила вас—что без вас нельзя... Ваше положение в прошлом определялось делами, как и сейчас ваше положение определяется вашими делами. Подходя к вопросу, был ли центр, вы говорите: конечно, он был до 1929 года. Вы пытаетесь утверждать, что в последние годы центра не было, что, в сущности говоря, с 1929 года он не действовал. Это обман. Старый зиновьевский центр превратился в центр объединенного троцкистско-зиновьевского блока. Он реформировался, несколько окреп, ибо произошла консолидация нескольких группировок. С 1932 года он начинает более широко развертывать свою деятельность. В 1933 году он проявляет особую активность, он подготавливает ряд террористических актов и в 1934 году осуществляет один из них.

Зиновьев говорил, что: «Это не есть центр, который был в 1926—1927 годах» и что с этим центром он не имел никакой связи. Как тогда ставил вопрос Зиновьев о связи с ленинградским центром? Он говорил:

«Что была группа, которая состояла из Котолынова, Мандельштама, Мясникова и других». Крупную роль играл Котолынов, о чем Зиновьев, якобы, узнал из обвинительного акта об убийстве Кирова.

Зиновьев хотел уверить, что одного из организаторов этой ленинградской террористической группы он узнал лишь из обвинительного заключения.

Так ли это было в действительности? Не так. Зиновьев посылал Бакаева в Ленинград, чтобы связаться с группой Николаева—Котолынова, чтобы Бакаев проверил, как Николаев, Котолынов, Мандельштам и другие готовили преступления?

Здесь опять-таки обман. Ложь, опять-таки маскировка!

«Мы искали с ним сближения». Зиновьев уже в 1935 году должен был, при всей своей маскировке, признать, что он искал сближения с Котолыновым и Николаевым и нашел это сближение. Теперь это установлено с абсолютной точностью.

Зиновьев рассказывает, что в 1932 году он виделся с Левиным, расстрелянным в 1935 году по делу об убийстве тов. Кирова, и добавляет: «Организационных разговоров у нас не было. Да в этом и не было особой нужды. Меня понимали с полуслова, я для него был авторитетом, и он для меня тоже был авторитетом; я знал, что этот человек из группы безвозвратцев будет делать так, как мы скажем».

Здесь еще содержится ряд полунамеков, полупризнаний, на основе которых впоследствии только, собрав полностью ряд избыточных Зиновьева улик, можно было обеспечить и полное признание Зиновьевым своего участия в этом преступлении. Теперь Зиновьев уже не скрывает того обстоятельства, которое Бакаев вчера усиленно хотел здесь ослабить.

Еще в январе 1935 года по делу «московского центра» Зиновьев признал, что Владимир Левин особенно близок был с Бакаевым. А вот вчера Бакаев пытался ослабить эту близость, ослабить ее ссылкой на то, что он ездил к Левиному в Ленинград не для конспиративных целей террористического порядка, которые как раз, однако, только и возможны при наличии такой близости. Он все время пытался сказать: вычеркните из показаний и из обвинительного заключения слова «для этой цели». Нет, Бакаев, этого мы не вычеркнем, этого вычеркнуть нельзя, ибо вы ездили «для этой цели», как мастер их дел, террористических дел, и ездили не случайно!

Почему Зиновьев не послал в Ленинград Рейнгольда, Пикеля, не послал даже Евдокимова. Почему для переговоров с ленинградской группой, с группой будущих убийц товарища Кирова, Зиновьев выбрал именно Бакаева. Ответ на этот вопрос я нахожу в объяснениях Зиновьева и отчасти Бакаева на процессе 15—16 января 1935 года. На Бакаева падает выбор Зиновьева, потому что Бакаев был наиболее близко связан с Левиным, который был представителем зиновьевцев в Ленинграде, который был руководителем ленинградской террористической подпольной организации, что он и сам признал на суде Военной коллегии в прошлом году. Подтверждение этому мы находим и в показаниях Зиновьева: «Знал его особенно близко Бакаев, он был одним из крупных организаторов антипартийной борьбы в Ленинграде...»

Только ли, подсудимый Зиновьев, антипартийной, антисоветской борьбы, контрреволюционной борьбы, борьбы, которая по самому своему существу носила явно контрреволюционный, противогосударственный, антисоветский характер!

Дальше Зиновьев говорил: «Я ему не давал никаких поручений». Ну это, знаете, такое неукротство, что дальше идти некуда. Это похоже на то, как один неукроткий монах, когда его спросили, «проходил ли этот человек здесь?»—ответил, показывая пальцем у себя в рукаве: «здесь он не проходил»...

С Левиным вы связи не имели, но вы имели эту связь через Бакаева. Бакаев ездил по вашему поручению. И, следовательно, когда вы говорили: «Я ему не давал никаких поручений», вы опять обманывали!

Не один Бакаев выполнял ваши поручения. Все вы—и Каменев, и Зиновьев, весь ваш центр вел переговоры с Левиным, Котолыновым, Николаевым, Румянцевым, Сосицким, Мандельштамом и рядом других членов этой разгромленной, уничтоженной банды ленинградских зиновьевцев. Весь ваш центр проверял, как ленинградская зиновьевская банда готовила это преступление, с нетерпением ожидая, когда будет, наконец, уничтожен этот верный сын нашей партии, руководитель ленинградских большевиков и памятный трибун Сергей Миронович Киров. И они дождались этого убийства.

Здесь на суде Зиновьев признал, что он форсировал это убийство. Он

спешил, он лихорадочно хватался за таких, как Николаев и Котолынов, чтобы поскорее осуществить это убийство. Не последним мотивом здесь было и желание перекрыть троцкистских террористов. Троцкисты нажимали.

Зиновьев признал, что Смирнов тоже торопил. Все они торопились. Троцкисты действовали более решительно и энергично, чем действовали зиновьевцы. Зиновьеву известно было, что из-за границы прибывали троцкистские террористы. И Зиновьев объявил «делом чести»—позорно употребить здесь это слово—скорее осуществить свой преступный замысел, скорее, чем это смогут осуществить троцкисты! Отсюда лихорадочное нетерпение Зиновьева. Вот почему он каждый день ждал, когда же, наконец, раздастся предательский выстрел в Ленинграде. Вся его деятельность заключалась именно в том, чтобы возможно быстрее, возможно скорее и возможно успешнее осуществить это свое злодеяние!

Так рисуется роль и поведение в этом деле Зиновьева.

Кончая этот эпизод, я хотел бы теперь получить от Зиновьева прямой ответ: берет ли Зиновьев на себя не только моральную, но и всю уголовную ответственность и притом полную ответственность за подготовку, организацию и совершение убийства Сергея Мироновича Кирова.

Конечно, Зиновьев скажет: «да». Иначе он не может сказать. Он так уже сказал в первый же день процесса, сжатый железной цепью улик и доказательств!

Почти аналогичная позиция была и на том же процессе у Каменева. Аналогичная позиция была и у Бакаева. Каменев говорил, что он не знал о том, что был «московский центр». Желая разыграть благородного человека, он говорит, что, поскольку этот центр был и это доказано, он за него отвечает.

У Каменева выходило: не знал, что был центр, но если центр был, значит я знал. Но Каменев знал о существовании центра, действительно знал. Это было доказано.

А теперь это подтверждено еще новыми доказательствами, которые добыты в связи с открытием ряда новых преступных шаек, действовавших в том же направлении. Доказательства эти пролили полный свет на это кошмарное и страшное дело.

И тогда Каменев пытался показать себя политически ослепшим человеком. Он говорил: я ослеп—должен до пятидесяти лет и не видел этого центра, в котором я сам, оказываюсь, действовал, в котором участвовал действительным и бездействием, словом и молчанием. Какой-то спиритуализм, спиритуализм и черная магия!

Мы это и тогда понимали, как простую попытку прикрыться какими-то фальшивыми словами и под фальшивку этих рассуждений скрыть истину. Теперь это все окончательно разоблачено. Нет, Каменев не ослеп. Каменев очень хорошо видел и знал, что он делал. Он прекрасно видел, что делалось вокруг него, потому что он организовал то, что вокруг него делалось. Каменев не ослеп, потому что он действовал и словом и молчанием. Молчанием—когда он не говорил: «не действуйте», когда он обязан был это сказать, и словом, когда он говорил: действуйте, когда, может быть, некоторые из младших его помощников колебались и обращались к нему, как к авторитету, как к наставнику.

Каменев заявил: я хочу сказать, не в оправдание свое, раньше я этого не помнил, а теперь вспоминаю, что когда-то мне Зиновьев сказал, что у него был Сафаров и предлагал какой-то блок. Я сказал, что не буду принимать никакого участия ни

в каком блоке, так как никогда не верил этому человеку. Это Зиновьев может подтвердить. Я не был против разговора. Я разговаривал.

С кем разговаривал?

С Толмазовым и Шатским. А Толмазов и Шатский—это активные члены ленинградской зиновьевской банды, убившей товарища Кирова.

Каменев разговаривал с Толмазовым и Шатским, то-есть с одним из главных организаторов убийства товарища Кирова. Значит, на эти разговоры Каменев шел, ведя эти разговоры через Бакаева. Но это он пытался скрыть.

Доказывая, что он никакого отношения к террору не может иметь, Каменев встал в позу и заявил: «Я должен сказать, что я по характеру не трус, но я никогда не ставил ставку на боевую борьбу. Я всегда ждал, что окажется такое положение, когда ЦК вынужден будет договариваться с нами, потесниться и даст нам место... Последние два года не было этих мечтаний, не было просто потому, что я не мечтатель и не фантазер. В нашей среде были фантазеры и авантюристы, но я к этой категории не принадлежу».

Я думаю, что сейчас Каменев несколько иначе будет квалифицировать свое участие в этом деле. Что же Каменев ставил своей задачей: ставил ли он ставку на боевую борьбу или не ставил?

Тогда он говорил—«нет». Теперь два дня тому назад, он сказал—«да». Тогда он говорил—«нет», потому, что он знал, он видел, что у нас нет еще всех нитей этого кошмарного преступления, потому что тогда, по состоянию следственного материала, не были раскрыты до конца все эти нити. Тогда он говорил—«нет».

5. Троцкистско-зиновьевский центр убил товарища Кирова

Выше я поставил вопрос: была ли организация, был ли троцкистско-зиновьевский террористический центр? Отвечаю: да, он был, он возник в 1932 году. В его составе были Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский.

Этот центр был и, что самое важное, он сложился по прямому указанию Троцкого, Зиновьева и Каменева. Он сложился по прямой директиве Троцкого о терроре, как единственном средстве борьбы против руководства советской страны. Он сложился в условиях сугубой и строгой конспирации. Одного представителя этой конспиративной школы Троцкого—Зиновьева—Каменева мы имели возможность вчера наблюдать здесь в лице подсудимого Гольмана. На скамье подсудимых в лице Смирнова сидит другой конспиратор. Центр был и действовал, он пустил в ход не только методы прямого вероломства, обмана и предательства, но, как теперь это в точности установлено, организовал и установил тайные связи с германскими фашистами, с которыми он сплел германских троцкистов, используя их для борьбы с нашим руководством и используя их связи с германским гестапо в лице Тукалевских, П. Ольбергов и т. п.

Я считаю абсолютно доказанным личными показаниями буквально всех подсудимых, в том числе в этой части и Смирнова, что этот центр был организован на террористической основе, что центр действовал террористическими методами, не брезгуя самыми грязными и дичайшими способами борьбы. Я считаю абсолютно доказанным, что этим центром был подготовлен ряд террористических покушений на Украину, в Москве и в Ленинграде. Наконец, этим центром было подготовлено и осуществлено в Ленин-

граде убийство Сергея Мироновича Кирова.

Убийство Сергея Мироновича Кирова входило, как я уже сказал, в общий план подготовлявшихся заговорщиками убийств руководителей советского государства и ВВП(б). Это было установлено, между прочим, и показаниями Евдокимова. Я прошу суд обратить внимание на показания Евдокимова от 10-го августа, где он говорит, что убийство Кирова было осуществлено по прямой директиве объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока, где он говорит, что в 1934 году Зиновьев дал ему на этот счет прямую директиву.

Бакаев это также подтвердил. Решение об организации убийства Кирова было принято Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым и Бакаевым и представителями Троцкого—Мрачковским и Тер-Ваганяном.

Показания Евдокимова, на которые я сейчас ссылаюсь, говорят: «Бакаев, с целью подготовки убийства, был направлен в начале ноября 1934 года, т. е. за несколько дней до совершения Николаевым убийства Кирова в Смольном в городе Ленинграде, для проверки готовности этого убийства. Бакаев имел личное свидание с Николаевым, приехал в Москву, сообщил об этом Евдокимову, Зиновьеву и Каменеву, которые с удовлетворением отметили успешный ход подготовки этого злодейского преступления и стали ждать этого выстрела. Бакаев предупредил Николаева и его сообщников, что они должны ждать сигнала Зиновьева, что они должны стрелять в Ленинграде одновременно с тем, как раздадутся выстрелы в Москве и Киеве».

Ложь! Опять лицемерие, коварство, вероломство, цинизм!

Продолжение см. на 6 стр.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра

Продолжение речи государственного обвинителя, Прокурора СССР тов. А. Я. Вышинского

Перенос с 5 стр.

Все это судом теперь доказано. Пусть подсудимые посмеют это опаривать в своих защитительных речах.

После длительного заперательства на предварительном следствии Зиновьев дал ряд показаний, о которых я говорил выше. Характерная деталь. Еще осенью 1932 года на даче у Зиновьева и Каменева (у них была совместная дача, которую, кстати сказать, Каменев однажды назвал источником своих бедствий) было поручено Бакаеву подготовить террористический акт против товарища Сталина, а Кареву — против товарища Кирова, но потом положение изменилось, так как Карев оказался арестованным, а Каменев и Зиновьев оказались в ссылке.

Наступил 1933 год — год оживления террористических настроений, год возобновления деятельности троцкистско-зиновьевского центра, и вот уже здесь дается поручение Бакаеву и начинается основательная подготовка к убийству тов. Кирова.

Каменев говорит: «Я не знал, как практически шла эта подготовка, потому что практическое руководство по организации этого террористического акта осуществлял не я, а Зиновьев». Обвиняемый Каменев, вам было известно, что Бакаев ездил в Ленинград проверять, как там шла подготовка? Да, было известно. Вам было известно, как Бакаев, проверив и убедившись, что все идет успешно, приехал в Москву и доложил вам о ходе подготовки? Было известно. Как же после этого вы позволяете говорить, что вы не принимали практического участия в осуществлении убийства Кирова? Ваша попытка свалить все это на Зиновьева — просто недоброкачественна.

Каменев говорит так: «Было решено убить» и добавляет: «Я к этому решению присоединился». Разве это не практическое осуществление?

Бакаев упорно заперся на предварительном следствии и отрицал свою роль в подготовке убийства Кирова, но его изобличил Карев, который напомнил ряд фактов и тогда уже после этого Бакаев признался. Именно поэтому — ввиду полного сознания Бакаева — я и отказался от допроса Карева на суде.

Убил Сергея Мироновича Кирова рука Николаева, Котлынова, его группа. Но кто еще убил? Я спрашивал Зиновьева: когда организовался объединенный центр? Зиновьев ответил: летом 1932 года. — Я спросил: в течение какого времени он действовал? Зиновьев: фактически до 1934 года.

На этом вопросе я хочу остановиться подробнее. В 1932—1933 годах Каменев и Зиновьев были в ссылке, а центр действовал. Известно, что в 1934 году не был на свободе и Смирнов, он был арестован 1-го января 1933 года, а центр действовал. И Зиновьев подтверждает, что центр действовал. Я делаю вывод, что если действовал центр, то это благодаря хорошо организованной технике связи, которая позволяла даже не находящимся на свободе, как например Смирнову, принимать участие в руководстве работой этого центра.

Я знаю, что Смирнов будет защищаться тем, что он от центра отошел, «я же ничего не сделал, я же сидел», скажет Смирнов. Навное утверждение! Смирнов сидел с 1-го января 1933 года, но мы знаем, что Смирнов организовал из тюрьмы связь со своими троцкистами, так как был обнаружен шифр, которым Смирнов сносился из тюрьмы со своими товарищами. Это свидетель-

ствует о том, что связь была, и Смирнов этого отрицать не может.

Но и это не решает вопроса, ибо в конце концов для нас важно, что Смирнов, как и Зиновьев и Каменев, ответственный за всю деятельность центра и всей той террористической группы, которая была организована, построена и действовала под его руководством. Еще в то время, когда они были на-свободе, Смирнов, Зиновьев, Каменев они были организаторами центра, они дали направление деятельности своих террористов, всех этих Пикелей, Дрейперов и других. Они же в полной мере и должны отвечать за это, независимо от того, находились ли кто-либо из них в это время на свободе или нет. Это элементарно, и на этом подробнее, я думаю, можно не останавливаться. Как руководители, они должны отвечать за всю преступную деятельность руководимой ими организации и всех тех групп, которые возникли на вспаханной ими почве.

В чем выражалась деятельность центра? Зиновьев сказал: «Главное заключалось в подготовке террористических актов против руководства партии и правительства». Я спросил: против кого? Зиновьев ответил: против руководителей. — Я спросил: то-есть против Сталина, Ворошилова и Кагановича? Это ваш центр организовал убийство Кирова? Было ли организовано убийство Сергея Мироновича Кирова вашим центром или какой-нибудь другой организацией? Зиновьев: да, нашим центром. Я спросил: в этом центре были вы, Каменев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян? Зиновьев: да. На мой вопрос: значит, вы организовали убийство Кирова? Зиновьев: да. За это преступление и должны отвечать Зиновьев и Каменев, и Смирнов, и Мрачковский, и Тер-Ваганян и все остальные.

Наиболее упорно заперается Смирнов. Он признал себя виновным лишь в том, что был руководителем троцкистского подпольного контрреволюционного центра. Правда, он сказал это в несколько юмористической форме. Обратившись к Тер-Ваганяну, Мрачковскому и Дрейперу он им сказал: «Вы хотите вояжа? Ну, возьмите меня». Но вы, обвиняемый Смирнов, и были таковым. Смирнов был руководителем троцкистского подполья! Не случайно Зиновьев и Каменев рассматривали его как представителя Троцкого, как заместителя Троцкого, как действительного руководителя всего троцкистского подполья. В этом он, в конце концов, и сам признался.

Я не знаю, что Смирнов скажет в последнем слове. Но полагаю, что на основании имеющихся материалов предварительного следствия и материалов судебного следствия, у меня имеются все основания заявить следующее: 1) обвиняемый Смирнов признал, что он был в течение ряда лет действительным руководителем троцкистского подполья; 2) он признал, что был представителем и заместителем Троцкого в СССР; 3) он признал, что в 1931 году был в Берлине и встретился там с Седовым и 4) он признал, что Седов сообщил ему о террористических задачах и дал террористические установки.

Правда, Смирнов отрицает, что это была установка Троцкого. Он говорит, что это было «личное мнение» Седова. Однако, приехав в СССР, он это «личное мнение» Седова счел необходимым передать своим товарищам по подполью.

Мы его спросили: где же тогда? Если это было личное мнение Седова, да еще такое, с которым Смирнов был не согласен, как он утверждал, зачем ему было это переда-

вать другим членам подполья? Передавать, да еще не говорить, что он не согласен. Все его товарищи по контрреволюционному подполью уличают его, что он не заикнулся о своем несогласии с этой установкой. Что же следует в таком случае считать установленным? Встреча с Седовым в 1931 году была? — Была. Седов — сын Троцкого — является его ближайшим и первым помощником во всей его политической деятельности? — Является. Во время этой встречи Седов со Смирновым говорил? — Говорил. Это Смирнов признает. Говорили о терроре? — О терроре. И это Смирнов признает. Что же касается того, как понял Смирнов Седова, то для обвинения, в конце концов, это совершенно безразлично. Если Смирнов понял разговор с Седовым не как установку, — ему же незачем было передавать ее товарищам по своей подпольной группе. Если он этот разговор передал и не сказал о своем несогласии с ним, значит, это была «установка», и иначе быть не могло.

Смирнов говорит, что он не был согласен с этой установкой. Однако, если он не был согласен с ней, он, как достаточно опытный подпольщик, фракционер и контрреволюционер, должен был понимать, что он обязан был порвать с этой группой, уйти от этой группы. Иначе он не был бы политическим деятелем, тем более руководителем подполья. А ведь Смирнов был не просто рядовым членом троцкистской группы. Смирнов — это не Гольцман. Гольцман — это ухушенный издатель Смирнова, но Смирнов — не Гольцман. Смирнов — это Смирнов. Он руководитель. Как же руководитель остается участником подпольной группы, не будучи согласен с основной линией этой группы? А основная линия этой группы — террор. И если он говорит, что в 1931 году он слова Седова не понял, как установку, а принял их, как его личное мнение, то в 1932 году он получил уже непосредственную установку от Троцкого через Юрия Гавена. В то время он уже не мог сослаться на то, что это было чье-то «личное мнение», ибо если это была действительно «личная» установка, то установка Троцкого!

От личной установки Седова лежит прямой путь к установке Троцкого. Нет никаких личных установок! Есть троцкистское решение Троцкого — на террор! Вы, Смирнов, ее получили в 1931 году и в 1932 году. Получили директиву от Дрейпера, не лично, но я глубоко убежден, что вы знали о ней, хотя и сидели в политизоляторе.

В 1932 году вы получили директиву Троцкого от Гавена. Троцкий прямо говорит: террор, убить Сталина, убить Ворошилова, убить руководителей партии и правительства. Вы, Смирнов, это указание получили. Вы говорите: я получал его, но не принял. Если вы не приняли и если вы в какой-нибудь мере все таки сохранили в себе понятия политической чести, то вы не могли в 1932 году, выслушав это указание Троцкого, переслать его через Гавена, не порвав с троцкистской организацией. Вы это понимаете, поэтому и говорите — я порвал, я ушел. Но кому вы сказали, что ушли? Никому не сказали. Не знал об этом Мрачковский, не знал об этом Тер-Ваганян, не знала об этом даже Сафонова. Никому вы не сказали! Никто не знал!

Следовательно, мы не имеем никакого права доверять этим вашим утверждениям. Мы можем утверждать, что вы в 1932 году получили от Троцкого директиву о терроре и вы ее приняли. Вы не были бы

Смирновым, если бы оставались в троцкистской группе, не будучи согласными с основной установкой этой группы, не будучи согласными с установкой такого авторитета, каким являлся для вас Троцкий. Мы знаем, что в своей защитительной речи вы будете прожигать Троцкого. Вам никто не поверит потому, что вы на этом суде не сказали и не хотите сказать и двух слов правды о своей работе в террористическом центре. Вы даже вчера хотели скрыть роль Пугача. Вы хотели сохранить резерв, который может быть не будет окончательно разоблачен. Вы хотели сохранить резерв для Троцкого, для вашего проклятого троцкистского подполья!

Я считаю, что все приведенные мною обстоятельства позволяют установить следующее в отношении Смирнова.

Первое — Смирнов был членом объединенного центра троцкистско-зиновьевской террористической организации. При его участии этот центр был организован. Следовательно, он один из важнейших организаторов центра.

Второе. Он организовал этот центр на основе директивы Троцкого, полученной им в 1931 году. Он придал этому центру террористический характер и террористическое направление его деятельности.

Третье. В 1932 году Смирнов получил от Троцкого вторую директиву. Это с бесспорностью установлено. Все попытки Смирнова доказать, что получив эту директиву, он не присоединился к ней, хотя в то же время оставался в рядах троцкистского подполья, шиты белыми нитками.

Товарищи судьи, есть одно очень важное обстоятельство. Можно так поставить вопрос: ну, террористическая основа, ну, террористические настроения, разговоры о том, что террор есть единственное средство, — но как обстоит с организацией практических мероприятий, направленных на сколачивание террористических групп, на осуществление террора?

6. Маска с обвиняемых сорвана

Я считаю, что вина Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева, полностью установлена и что я могу освободить себя от обязанности перечислять многочисленные факты и подвергать анализу материал судебного следствия, изобличающий их в полной мере. Я хочу подчеркнуть лишь, что рядом с Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Бакаевым должны стоять Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский. Они должны стоять плечом к плечу. Они вместе направляли свою преступную деятельность против нашего правительства, вместе убивали Кирова, а поэтому вместе и полностью должны за это и отвечать.

Смирнов прекрасно понимает это и поэтому он занял позицию отрицания. Сначала он все отрицал: он отрицал наличие троцкистской организации, он отрицал наличие центра, он отрицал свое участие в центре, он отрицал связь с Троцким, он отрицал какие-либо нелегальные задания, которые он давал даже в 1936 году, а мы знаем, что этот большой конспиратор сумел организовать передачу преступных указаний своим сторонникам, даже будучи изолированным. Он все отрицал — отрицал наличие троцкистского центра в 1931 году, он отрицал существование такого центра в 1932 году — он все отрицал. Весь его допрос от 20 мая состоит из одних слов: «Я это отрицаю, еще раз отрицаю, отрицаю». Это единственно, что ему оставалось делать.

Обвиняемый Смирнов, вам изменил ваш опыт, вам изменило ваше искусство обманывать. Будучи изобличенный показаниями Сафоновой, Мрач-

Тер-Ваганян говорил, что шла такая работа по сколачиванию террористических групп, но это была подготовительная работа, которая не выходит за пределы подготовки. Разве в действительности только так обстояло дело?

Конечно, не так. Зиновьевцы пошли за троцкистами и, в частности, за Смирновым, который убежденно и горячо настаивал на скорейшем осуществлении террора и не вообще на осуществлении террора, а на осуществлении террора против товарища Сталина, Кирова, Ворошилова и других наших руководителей. Ведь товарищ Сталин и товарищ Киров разгромили эту бесчестную оппозицию. Поэтому вполне понятно, что Смирнов — этот последовательный и вполне убежденный непримиримый троцкист должен был направлять всю силу своих организационных способностей на то, чтобы подготовить убийство раньше всего руководителей ЦК нашей партии, руководителей нашей страны. Смирнов убеждал Зиновьева: давайте поскорее осуществим террористический акт, давайте поскорее убьем Сталина, Кирова и Ворошилова. А Зиновьев, потешком поспевающий за троцкистами, волнуется, кипит, как бы не отстать...

Смирнов убеждал Зиновьева с убийством которого-то. С платформой он не торопится. Он говорит: в один присест можно ее составить. Зачем платформа, когда есть более верное, по их мнению, средство — убийство! Смирнов наметил и дал в руки своим агентам конкретный план организации террористических актов. Убийство товарища Кирова было совершено в осуществление этого плана, за который Зиновьев, как и Каменев, Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян, должны нести полностью ответственность перед советской страной, перед советским народом, перед советским пролетарским судом.

Зиновьев, Тер-Ваганян, вы вынуждены были признать, что центр был, что вы были членом центра. Ваше отрицание вам не помогло, вы отрицали и говорили, что никакой директивы о терроре не получали, но вас в этом изобличил Гавен, и вы признали, вас изобличил Гольцман, который получил поручение от Троцкого передать вам лично, и только вам директиву о том, что сейчас необходимо перейти к террору. «Сугубо законспирированный троцкист» Гольцман говорит, что он это поручение получил, но не передал, и вы думаете, что этому можно будет поверить. Нет, этому никто не поверит.

Гольцман занял такую же позицию, что и Смирнов, — я признаю все, кроме террора, потому что он знает, что за террор может свалиться с плеч его голова. В терроре Смирнова изобличил и Гольцман, и Мрачковский, и Сафонова, и Дрейпер.

21 июля вы дали несколько иные показания (л. д. 51, с. 29), т. е. вы вначале отрицали получение какой-либо директивы об организации террора от Троцкого, а здесь вы это признаете. С отрицанием у вас не вышло.

На очной ставке с Мрачковским вы продолжали отрицать получение директивы от Троцкого и дачу Мрачковскому поручения организовать террористическую группу. Мрачковский вас стыдил, говоря: «Что же вы, Иван Никитич, из грязного кровавого дела хотите выйти в белой рубашке». — Я могу это повторить, неужели вы думаете, подсудимый

Продолжение на 7 стр.

Процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра

Окончание речи государственного обвинителя, Прокурора СССР тов. А. Я. Вышинского

Перенос с 6 стр.

Смирнов, что вы из этого кровавого дела выйдете невредимым?». Вы на слова Мрачковского ответили: «Выдумка и клевета», а потом вы все же кое-что признали.

Ведь вы признали, что блок был организован на базе необходимости террора, и таким образом, являлись одним из организаторов террористического центра. Вы получили от Троцкого директиву о терроре.

Вы развили на этой основе террористическую преступную деятельность, правда, вам немножко помогал участвовать в осуществлении этой деятельности ваш арест. Но все же вы помогали этому делу всячески, как только могли.

Я хочу напомнить, что очная ставка с Сафоновой на предварительном следствии, в основном воспроизводящая то, что мы имели здесь на суде, очень характерна. Смирнов не решается отрицать доказательств, приводимых Сафоновой, он измысляет каучуковую форму лжи, он знает, что Сафонова клеветать не будет. Сафонова — его бывшая жена, с которой он никаких счетов не имеет и на личные счёты он сваливать не может. Он говорит: «не помню», «очевидно, такой разговор мог быть». Его спрашивают: был разговор об организации террора? «Не был, а мог вестись». Такая же животная трусость им руководит сейчас, когда он, маскируясь, говорит: «Мне на это нечего отвечать». Но 13-го августа он вынужден был признать, что в 1932 году этот разговор был, что он, Смирнов, за это несет полную ответственность и сейчас он от этой ответственности уклоняться не собирается.

Я хочу перейти к Тер-Батаняну. У него вначале тоже была такая позиция отрицания, но 14 августа он дал более правдивые показания. Суммируя его показания и все показания на суде, можно прийти к нескольким твердым выводам: можно считать установленным, что Тер-Батанян был членом троцкистско-зиновьевского центра, что он принимал деятельное участие в организации этого центра, что он задания центра осуществлял на основе директивы Троцкого, которая была получена через Смирнова и о которой ему было известно от Смирнова. Он пытается утверждать, что фактически ничего не сделал. Но я должен заранее сказать, что если бы он и «не сделал ничего», то и то, что он сделал, достаточно, чтобы дать ему статью 58-8, 19-58-8, 58-11 Уг. Кодекса.

Моисей Лурье и Натан Лурье. Мы здесь слышали показания Натана Лурье о том, что он прибыл сюда и с какими целями, какую он развернул работу по подготовке террористических актов под руководством Моисея Лурье, как он явился по сути преемником той группы, которая здесь Францем Вайцем, фашистским агентом и доверенным лицом Гимлера, начальника фашистской черной охраны, начальника германских охранных отрядов, а впоследствии начальника германского гестапо.

Вы помните их показания, и я полагаю, что на этом можно подробно не останавливаться. Полностью категорично и бесспорно доказана подготовка террористических актов Натаном Лурье и Моисеем Лурье. Они полностью должны нести ответственность за это преступление!

Когда я говорил о тех методах, при помощи которых действовали эти господа, я показывал, старался показать, как глубоко и низко было падение этих людей, и моральное, и политическое. И, может быть, одно из наиболее ярких и характернейших доказательств безграничного мораль-

ного падения этих людей, у которых нет даже тех моральных, хотя и в кавычках, устоев и тех правил поведения, которые существуют даже у закоренелых преступников и бандитов. Это то, о чем говорил здесь Рейнгольд. Я говорю об их плане уничтожения следов злодейских преступлений.

Разве случайно, товарищи судьи, они, рассчитывая на успех своего злодейского плана, намечали председателем ОГПУ никого другого, как Бакаева? Именно Бакаева, который известен, как злобный ненавистник, как человек решительный, как человек настойчивый, упорный, с очень большой волей, с громадным характером и выдержкой, человек, который не способен останавливаться ни перед какими средствами для достижения тех целей, которые он перед собой поставил!

Если некоторые из обвиняемых совершенно спокойно намечали себе путь к власти через горы трупов лучших людей нашей советской земли, то едва ли Бакаев был здесь не самым решительным и не самым немалым исполнителем этого плана! Именно этот человек и предначался в качестве председателя ОГПУ в случае успеха заговора.

Я не останавливаюсь на смехотворном распределении портфелей между заговорщиками и террористами. Я подчеркиваю только еще раз, что никто другой, а только Бакаев намечался на пост председателя ОГПУ. Зиновьев и Каменев не исключали того, что в распоряжении ОГПУ имеются нити о подготовляющемся государственном заговоре, и поэтому они считали важнейшей задачей назначить Бакаева председателем ОГПУ. Он должен был перехватить эти нити, а затем уничтожить их, как и самих физических исполнителей их поручений.

Первую часть Каменев и Зиновьев не отрицают, а вторую часть отрицают. Она слишком кошмарна, и Зиновьев сказал, что это из Жюль-Верна. Но разве мы не знаем, что в истории такие примеры бывали? Разве мы не знаем некоторые соседние государства, в которых такие эксперименты были, где участники заговора физические уничтожали рукой организаторов заговора, как это было с уничтожением Рема и его подвизников!

Вы сами, подсудимый Зиновьев, говорите, что Бакаев предназначался на пост председателя ОГПУ, чтобы использовать его для уничтожения следов преступлений. Так почему же вы это называете Жюль-Верном? Вы избрали порочный способ защиты.

Это большого значения для дела не имеет, но не в этом вопрос, и не в этом суть. Это — один из замечательных штрихов, характеризующих людей, которые претендовали на руководство нашей страны. Это говорит о том, какое счастье, что они своевременно были отстранены от участия в этом руководстве!

Зиновьев и Каменев говорят, что это фантазия, арабские сказки, но позвольте: а убийство зиновьевского секретаря Богдана — это что? Сказка? Зиновьев не мог ничего сказать по этому поводу, но Рейнгольд это разоблачил, а Пикель это подтвердил.

Бакаеву было указано Зиновьевым на Богдана, как на подходящего для террористических актов человека.

Рейнгольд говорит, Пикель подтверждает, а Бакаев от этого открещивается и прячется. Но это факт, от которого уйти никто не сможет. Рейнгольд и Пикель доказали, что «самоубийство» Богдана было в действительности убийством. Оно выполнено было Бакаевым по поручению объединенного центра! «Ты колеблешься осуществить задание нашего

объединенного троцкистско-зиновьевского центра? Мы тебя убьем, или сам убей себя». Так говорил Богдану Бакаев, и Богдан не выдержал...

Это было началом плана, разрабатываемого Зиновьевым и Каменевым на случай успеха террористического заговора. Самоубийство Богдана Зиновьев и Каменев постарались изобразить, как гибель «жертвы» нашего советского режима. Но вы же сами довели Богдана до самоубийства, поставив перед ним дилемму: или идти

7. Взбесившихся псов — расстрелять всех до одного

Я, товарищи судьи, кончаю. Подходит последний час — час расплаты этих людей за тяжкие преступления, которые они совершили против нашей великой страны. Последний час расплаты этих людей, поднявших оружие против самого дорогого и любимого, что есть у нас, против любимых вождей нашей партии и нашей родины, против Сталина, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова, Постышева, Косиора и других руководителей нашей страны, победившего, растущего и расцветающего нового социалистического общества. Печальный и позорный конец ожидает этих людей, когда-то бывших в наших рядах, хотя никогда не отличавшихся ни стойкостью, ни преданностью делу социализма.

Еще несколько слов. Некоторые из подсудимых пытались проводить здесь параллель с историческим прошлым, параллель с эпохой «На-

родной воли», пытались сравнивать кое-кого с героическими террористами, вступившими в прошлом столетии в единоборство со страшным, коварным и беспощадно жестоким врагом — царским правительством.

Называли имя Гершуня, говоря не то о Бакаеве, не то о Смирнове. Это не выдерживает никакой критики. То была борьба кучки самоотверженных энтузиастов с жандармским исполнимом, борьба за интересы народа. Мы, большевики, всегда были против террора, но мы должны отдать должное искренности и героизму народовольцев. Гершуня не был большевиком, но он боролся против царизма, а не против народа.

А вы — кучка подливых контрреволюционеров, представители передового отряда международной контрреволюции и выступили вы против передового отряда мировой пролетарской революции! Вы выступили против свободы и счастья народов!

Взбесившихся собак я требую расстрелять, — всех до одного.

ВЕЧЕРНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ 22 АВГУСТА

Перенос с 1 страницы

Кто поверит нам, представшим перед судом, как контрреволюционная бандитская шайка, как союзники фашизма, гестапо? Разве хотя бы у одного из нас, осужденных во время прошлого ленинградского процесса зиновьевцев, дрогнуло сердце при мысли об оставшихся на воле сообщниках, хотя, сидя в тюрьме, мы знали, что каждый день, каждый час может раздаться новый злодейский выстрел. Никто из нас не сделал того, что должен был бы сделать, если бы хотя тончайшая нить связывала бы нас с делом революции.

Мы от фашистов отличаемся очень невыгодно. Фашизм прямо и открыто написал на своем знамени «смерть коммунизму». У нас же время было на устах «да здравствует коммунизм», а на деле борьба против победившего в СССР социализма. На словах — «да здравствует Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)», на деле — подготовка убийств членов политбюро Центрального Комитета партии, одного из которых мы и убили. На словах «дойлой империализм», на деле — ставка на поражение СССР в борьбе с международным империализмом.

— Троцкий, — продолжает подсудимый Евдокимов, — не сидит вместе с нами на скамье подсудимых, так как находится за границей. У него две перспективы: либо исчезнуть немедленно и бесследно, как исчез Азеф, не только с политической арены, но вообще с арены жизни, перейти в небытие, спрятаться по какой-нибудь фальшивке, как спрятался Азеф, либо предстать в свое время перед пролетарским судом.

— Не нахожу возможным, — заканчивает последнее слово Евдокимов, — просить о снисхождении. Слишком велики наши преступления и перед пролетарским государством и перед международным революционным движением, чтобы мы могли рассчитывать на снисхождение.

★ Политический вес и биография каждого из нас, — говорит Дрейцер, — не одинаковы в прошлом. Но став убийцами, мы сравнялись здесь. Я во всяком случае принадлежу к тем, кто не в праве ни рассчитывать, ни просить о пощаде.

★ Как бы ни решалась наша судьба, — говорит в своем последнем слове подсудимый Рейнгольд, — но мы уже расстреляны политически. Представитель государственного обвинения голосом 170-миллионного советского народа потребовал для нас, как для бешеных собак, расстрела. Я знал, куда я иду и на что я иду. Я и вся сидящая здесь террористическая троцкистско-зиновьевская организация разоблачена этим процессом, как ударный отряд, ударный белогвардейский фашистский отряд международной контрреволюционной буржуазии.

★ Суд над нами, суд над троцкистско-зиновьевской террористической и фашистской организацией, как тяжелая могильная плита похоронит политических мертвецов Зиновьева, Каменева и Троцкого и его тень — верного оруженосца Смирнова.

★ Суд над нами, суд над троцкистско-зиновьевской террористической и фашистской организацией, как тяжелая могильная плита похоронит политических мертвецов Зиновьева, Каменева и Троцкого и его тень — верного оруженосца Смирнова.

★ Суд над нами, суд над троцкистско-зиновьевской террористической и фашистской организацией, как тяжелая могильная плита похоронит политических мертвецов Зиновьева, Каменева и Троцкого и его тень — верного оруженосца Смирнова.

★ Суд над нами, суд над троцкистско-зиновьевской террористической и фашистской организацией, как тяжелая могильная плита похоронит политических мертвецов Зиновьева, Каменева и Троцкого и его тень — верного оруженосца Смирнова.

★ Суд над нами, суд над троцкистско-зиновьевской террористической и фашистской организацией, как тяжелая могильная плита похоронит политических мертвецов Зиновьева, Каменева и Троцкого и его тень — верного оруженосца Смирнова.

★ Суд над нами, суд над троцкистско-зиновьевской террористической и фашистской организацией, как тяжелая могильная плита похоронит политических мертвецов Зиновьева, Каменева и Троцкого и его тень — верного оруженосца Смирнова.

★ Суд над нами, суд над троцкистско-зиновьевской террористической и фашистской организацией, как тяжелая могильная плита похоронит политических мертвецов Зиновьева, Каменева и Троцкого и его тень — верного оруженосца Смирнова.

★ Суд над нами, суд над троцкистско-зиновьевской террористической и фашистской организацией, как тяжелая могильная плита похоронит политических мертвецов Зиновьева, Каменева и Троцкого и его тень — верного оруженосца Смирнова.

Бесстыдное сравнение с эпохой народовольческого терроризма. Троцкий уважением к памяти тех, кто искренне и честно, правда, своими особыми путями и методами, но всегда безупречными, действовали во времена «Народной воли» в борьбе против царского самодержавия за свободу — я решительно отметаю кощунственную параллель. Повторяю, здесь параллель неуместна. Перед нами — преступники, опасные, закоренелые жестокие, беспощадные к нашему народу, к нашим идеалам, к руководителям нашей борьбы — вождям советской страны, вождям трудящихся всего мира!

Враг коварен. Коварного врага щадить нельзя. Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения, присоединяю и свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гуду миллионов!

Я хочу закончить напоминанием вам, товарищи судьи, о тех требованиях, которые предъявляет закон в делах о тяжчайших государственных преступлениях. Я позволю себе напомнить о вашей обязанности, признав этих людей, всех шестнадцати виновных в государственных преступлениях, применить к ним в полной мере и те статьи закона, которые предъявлены им обвинением.

Взбесившихся собак я требую расстрелять, — всех до одного.

★ Факты, прошедшие перед судом показывают всему миру, что организатором невиданного в мире троцкистско-зиновьевского контрреволюционного террористического блока и душой его является Троцкий. За интересы Зиновьева и Каменева я прокладывал свою голову. Меня глубоко тяготит сознание того, что я стал послушным орудием в руках Зиновьева и Каменева, стал агентом контрреволюции, что я поднял руку на Сталина.

Бакаев обращается к Зиновьеву с обвинением в том, что тот не был откровенен на суде.

Бакаев заканчивает свое последнее слово заявлением, что понимает всю тяжесть преступления и ждет заслуженного и справедливого приговора пролетарского суда.

★ Подсудимый Пикель дает детальный обзор истории развития троцкистско-зиновьевской оппозиции, ставшей бандой контрреволюционеров — террористов. Он заявляет, что уже с 1925 года борьба этой оппозиции против партии, ее Центрального Комитета носила все элементы политического бандитизма. Эта борьба началась с гнусных инсинуаций против руководства партии и кончилась террористическими актами.

— Вывод может быть только один, — говорит Пикель. — Мы представляем собой самую озверелую шайку уголовных преступников, являющуюся ничем иным, как отрядом международного фашизма. Троцкий, Зиновьев и Каменев были нашим знаменем. К этому знамени тянулись не только мы, подонки советской страны, но и шпионы, диверсанты и агенты иностранных государств.

— Последние восемь лет являюсь для меня годами подлости, годами жутких кошмарных дел. Я должен нести заслуженное мною наказание.

На этом вечернее заседание заканчивается.

Продолжение на 8 стр.

БАНДА ТРОЦКОГО--ЗИНОВЬЕВА ПРИГОВОРЕНА К РАССТРЕЛУ

П Р И Г О В О Р

Именем Союза Советских Социалистических Республик Военная коллегия Верховного суда СССР в составе:

председательствующего — председателя Военной коллегии Верховного суда СССР армвоенюриста тов. Ульрих В. В.

членов: заместителей председателя Военной коллегии Верховного суда Союза ССР

корвоенюриста тов. Матулович И. О. и диввоенюриста тов. Никитченко И. Т.

при секретаре — военном юристе первого ранга тов. Костюшко

с участием государственного обвинителя прокурора Союза ССР — тов. Вышинского А. Я.

в открытом судебном заседании в городе Москве 19—24 августа 1936 года рассмотрела дело по обвинению:

1) Зинovieва, Григория Евсеевича, 1883 года рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 года по делу «московского центра» зинovieвцев по ст. 17-58-8 УК РСФСР к тюремному заключению на 10 лет;

2) Каменева, Льва Борисовича, 1883 года рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 года по делу «московского центра» зинovieвцев по ст. 17-58-8 УК РСФСР к тюремному заключению на 5 лет и вторично осужденного 27 июля 1935 года по ст. 17-58-8 УК РСФСР к тюремному заключению на 10 лет;

3) Евдокимов, Григория Еремеевича, 1884 года рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 года по делу «московского центра» зинovieвцев по ст. 17-58-8 УК РСФСР к тюремному заключению на 8 лет;

4) Бакаева, Ивана Петровича, 1887 года рождения, служащего, осужденного 16 января 1935 года по делу «московского центра» зинovieвцев по ст. 17-58-8 УК РСФСР к тюремному заключению на 8 лет;

5) Мрачковского, Сергея Витальевича, 1883 года рождения, служащего;

6) Тер-Ваганяна, Вагаршака Арутюновича, 1893 года рождения, служащего;

7) Смирнова, Ивана Никитича, 1880 года рождения, служащего — всех семерых в преступлении, предусмотренных статьями 58-8 и 58-11 УК РСФСР;

8) Дрейцера, Ефима Александровича, 1894 года рождения, служащего;

9) Рейнгольда, Исаака Исаевича, 1897 года рождения, служащего;

10) Пикеля, Ричарда Витольдовича, 1896 года рождения, служащего;

11) Гольцмана, Эдуарда Соломоновича, 1882 года рождения, служащего;

12) Фрица Давида, он же Бруглянский Илья—Давид Израилевич, 1897 года рождения, служащего;

13) Ольберга, Валентина Павловича, 1907 года рождения, служащего;

14) Бермана-Юрина, Конона Борисовича, он же Александр Фомич, 1901 года рождения, служащего;

15) Лурье Моисея Ильича, он же Эмель Александр, 1897 года рождения, служащего;

16) Лурье, Наташа Лазаревича, 1901 года рождения, служащего — всех в преступлении, предусмотренных статьями 19-58-8 и 58-11 УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено:

Осенью 1932 года, по директиве Л. Троцкого, полученной руководителем троцкистского подполья в СССР И. Н. Смирновым, произошло объединение троцкистских и зинovieвских подпольных контрреволюционных групп, организовавших «объединенный центр» в составе: Зинovieва, Каменева, Евдокимова и Бакаева (от зинovieвцев) и Смирнова, Тер-Ваганяна и Мрачковского (от троцкистов).

Объединение этих контрреволюционных групп было достигнуто на основе применения индивидуального террора в отношении руководителей ВКП(б) и советского правительства.

Троцкисты и зинovieвцы по прямому указанию Троцкого, получившим «объединенным центром» через

подсудимых Смирнова, Гольцмана и Дрейцера, в этот период времени (1932—1936 года) сосредоточили всю свою враждебную деятельность против советского правительства и ВКП(б) на организации террора в отношении их руководителей.

Судом установлено, что «объединенным центром» по прямым указаниям Л. Троцкого и Зинovieва было организовано и осуществлено 1 декабря 1934 года через подпольную террористическую ленинградскую группу зинovieвцев Николаева—Котолынова злодейское убийство члена президиума Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР и члена ЦК ВКП(б) тов. Сергея Мироновича Кирова.

Не ограничиваясь убийством тов. Кирова, троцкистско-зинovieвский центр подготовил ряд террористических актов против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича Л. М., Орджоникидзе, Косиора и Постышева.

Материалами судебного следствия и признаниями подсудимых Зинovieва, Каменева, Евдокимова, Бакаева, Мрачковского и Дрейцера установлено, что Л. Троцкий из-за границы и Зинovieв внутри страны усиленно форсировали подготовку убийства товарища С. М. Кирова. В целях форсирования убийства товарища С. М. Кирова в июне 1934 года Каменев по поручению объединенного троцкистско-зинovieвского центра ездил в Ленинград, где вел переговоры об организации этого террористического акта против тов. Кирова с руководителем одной из ленинградских террористических групп — Исковым, дело о котором выделено в особое производство.

Судом также установлено, что по поручению «объединенного центра», подсудимый Бакаев в ноябре 1934 г. также специально выезжал в Ленинград для проверки подготовленности ленинградской террористической группы Николаева—Котолынова к совершению убийства тов. Кирова. На конспиративном собрании членов этой ленинградской террористической группы Бакаев заслушал доклад убийцы тов. Кирова — Леонида Николаева и от имени объединенного троцкистско-зинovieвского центра дал ему и его сообщникам ряд практических указаний по организации убийства тов. С. М. Кирова. В соответствии с этими указаниями Л. Николаев и его сообщники и осуществили 1 декабря 1934 года злодейское убийство тов. С. М. Кирова.

Судом также установлено, что в 1934 году подсудимые Бакаев, Рейнгольд и Дрейцер в соответствии с решениями «объединенного центра» пытались дважды совершить покушение на товарища Сталина.

В целях наиболее успешного осуществления намеченных «объединенным центром» террористических актов, им был организован в 1933 году в Москве т. н. «московский террористический центр» в составе подсудимых Рейнгольда, Пикеля и Дрейцера, под непосредственным руководством члена «объединенного центра» подсудимого Бакаева.

«Объединенным центром» было поручено подсудимому Бакаеву практически подготовить осуществление убийства товарищей Сталина и Кирова, а члену «московского террористического центра» подсудимому Дрейцеру была поручена организация террористического акта против товарища Ворошилова.

Не ограничиваясь организацией под непосредственным руководством «объединенного центра» ряда террористических актов против руководителей советского государства и ВКП(б), Л. Троцкий в течение

1932—36 годов систематически в тех же целях перебрасывал из-за границы в СССР ряд террористов.

В ноябре 1932 года Л. Троцкий был переброшен в СССР Берман-Юрием и Фриц Давид, при чем перед отъездом они были лично проинструктированы Л. Троцким по организации убийства товарища Сталина.

В том же 1932 году Л. Троцкий был переброшен из Берлина в Москву террорист Натан Лурье. Совместно с проживавшим тогда в Москве, под видом иностранного специалиста, агентом гестапо и доверенным лицом Гимлера (нынешнего руководителя гестапо) Францем Вайцем, Натан Лурье готовили покушение на убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича и Орджоникидзе.

Зимой 1932—33 года, после отъезда Франца Вайца из Москвы, Натан Лурье со своей террористической группой продолжал подготовку этих террористических актов совместно с прибывшим в марте 1933 года в Москву из Берлина подсудимым Моисеем Лурье, также получившим от Троцкого задание форсировать террористические акты против руководителей советской власти и ВКП(б).

В 1934 году, находясь в Челябинске, Натан Лурье пытался произвести покушение на жизнь товарищей Кагановича и Орджоникидзе.

Наконец, тот же Натан Лурье 1 мая 1936 года, по заданию и предварительному согласованию с Моисеем Лурье, пытался произвести во время Первомайской демонстрации в Ленинграде покушение на тов. Жданова.

Летом 1935 года Л. Троцкий через своего сына Л. Седова был переброшен из Германии в СССР террорист В. Ольберг, воспользовавшийся фальшивым паспортом подданного республики Гондурас. Этот паспорт В. Ольберг приобрел при помощи германской тайной полиции гестапо, получив предварительное согласие от Л. Троцкого через его сына Седова воспользоваться содействием в этом деле германской тайной полиции.

В. Ольберг по прибытии в СССР связался с контрреволюционной троцкистской террористической группой в городе Горьком и подготовил ряд террористов, которые должны были 1 мая 1936 года совершить в Москве на Красной площади террористический акт против руководителей советского правительства и ВКП(б).

Судебным следствием также установлено, что троцкистско-зинovieвский террористический центр одновременно с подготовкой террористических актов против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича и Орджоникидзе готовил террористические акты против товарищей Косиора и Постышева через украинскую террористическую группу, действовавшую под руководством троцкиста Мухина, дело о котором выделено в особое производство.

Таким образом устанавливается виновность:

1. Зинovieва Г. Е.,
2. Каменева Л. Б.
3. Евдокимова Г. Е.
4. Бакаева И. П.
5. Мрачковского С. В.
6. Тер-Ваганяна В. А.
7. Смирнова И. Н.

в том, что они:

а) организовали объединенный троцкистско-зинovieвский террористический центр для совершения убийств руководителей советского правительства и ВКП(б);

б) подготовили и осуществили 1 декабря 1934 года через ленинградскую подпольную террористическую группу Николаева—Котолынова и других, осужденных 29 декабря 1934 года Военной коллегией Вер-

ховного суда Союза ССР, злодейское убийство товарища С. М. Кирова;

в) организовали ряд террористических групп, готовивших убийство товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, — то-есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58-8 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

8. Дрейцера Е. А.
9. Рейнгольда И. И.
10. Пикеля Р. В.
11. Гольцмана Э. С.
12. Фриц Давида (Бруглянского Илья—Давида Израилевича).
13. Ольберга В. П.
14. Бермана-Юрина Б. Б.
15. Лурье М. И. (Эмель Александр)

в том, что, будучи членами подпольной контрреволюционной террористической троцкистско-зинovieвской организации, являлись активными участниками подготовки убийства руководителей партии и правительства товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, — то-есть в преступлениях, предусмотренных статьями 19-58-8 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР.

На основании изложенного и руководствуясь статьями 319 и 320 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, Военная коллегия Верховного суда Союза ССР

приговорила:

1. Зинovieва Григория Евсеевича,
2. Каменева Льва Борисовича,
3. Евдокимова Григория Еремее-

вича,

4. Бакаева Ивана Петровича,

5. Мрачковского Сергея Витальевича,

6. Тер-Ваганяна Вагаршака Ару-

тюновича,

7. Смирнова Ивана Никитича,

8. Дрейцера Ефима Александровича,

9. Рейнгольда Исаака Исаевича,

10. Пикеля Ричарда Витольдовича,

11. Гольцмана Эдуарда Соломоновича,

12. Фрица Давида, Бруглянского Илья—Давида Израилевича,

13. Ольберга Валентина Павловича,

14. Бермана-Юрина Конона Борисовича,

15. Лурье Моисея Ильича—Эмеля Александра,

16. Лурье Наташа Лазаревича —

всех к высшей мере наказания —

расстрелу, с конфискацией всего

лично им принадлежащего имуще-

ства.

Находящиеся в настоящее время за границей Троцкий Лев Давидович и его сын Седов Лев Львович, изблуженные показаниями подсудимых Смирнова, Гольцмана, Дрейцера, В. Ольберга, Фрица Давида (Бруглянского И. И.) и Бермана-Юрина материалами настоящего дела в непосредственной подготовке и личном руководстве организацией в СССР террористических актов против руководителей ВКП(б) и советского государства, в случае их обнаружения на территории Союза ССР подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР.

Председательствующий — председатель Военной коллегии Верховного суда Союза ССР армвоенюрист В. Ульрих. Члены — заместители председателя Военной коллегии Верховного суда Союза ССР корвоенюрист И. Матулович, диввоенюрист И. Никитченко. (ТАСС).

Отв. редактор Н. И. ШУЛЬГИН.

НА УТРЕННЕМ И ВЕЧЕРНЕМ ЗАСЕДАНИЯХ 23 АВГУСТА

(Окончание. Начало на 1 и 7-й стр.)

На утреннем заседании 23 августа продолжают последние слова подсудимых.

— Я вместе с Зинovieвым и Троцким, — заявляет Каменев, — был организатором и руководителем террористического заговора, замышлявшего и подготовлявшего ряд террористических покушений против руководителей правительства и партии нашей страны и осуществившего убийства Кирова.

Я сейчас стою третий раз перед пролетарским судом, — продолжает Каменев, — по обвинению в террористических намерениях, замыслах и действиях. Дважды мне была сохранена жизнь. Но всемо есть предел, есть предел и великодушности пролетариата, и этот предел мы исчерпали.

— Я хочу еще раз сказать, — начинает свое последнее слово подсудимый Зинovieв, — что признаю себя целиком и полностью виновным. Я признаю себя виновным в том, что был главным организатором убийства Кирова.

Мой дефективный большевизм превратился в антибольшевизм, и я через троцкизм пришел к фашизму. Троцкизм — это разновидность фашизма, а зинovieвщина — разновидность троцкизма.

В своем последнем слове Смирнов подробно останавливается на истории своей борьбы с партийным руководством после того, как он в

1929 году был прошен партией и возвращен в ее ряды.

В заключении своего слова Смирнов обращается ко всем своим сторонникам с призывом твердо порвать с прошлым, бороться с троцкизмом и Троцким, заявляя: «Нет другого пути у нашей страны, чем тот, по которому она идет, и нет и не может быть другого руководства, чем то, которое дано нам историей».

Последними выступают подсудимые Ольберг, Берман-Юрин, Гольцман, Н. Лурье и М. Лурье, которые также признают себя виновными.

В вечернем заседании 23 августа произносят последние слова подсудимые Тер-Ваганян и Фриц Давид. В последнем слове подсудимый Тер-Ваганян полностью признает свою вину перед советским государством и перед партией.

— Я склоняю повинную голову перед судом и говорю: Каково бы ни было ваше решение и как бы суров ни был приговор — я его принимаю, как заслуженный.

— Я хочу заверить пролетарский суд, — говорит подсудимый Фриц Давид, — что я проклинаю Троцкого. Я проклинаю этого человека, который погубил мою жизнь и толкнул меня на тяжкое преступление.

В 7 часов вечера суд удаляется в совещательную комнату.

(ТАСС).